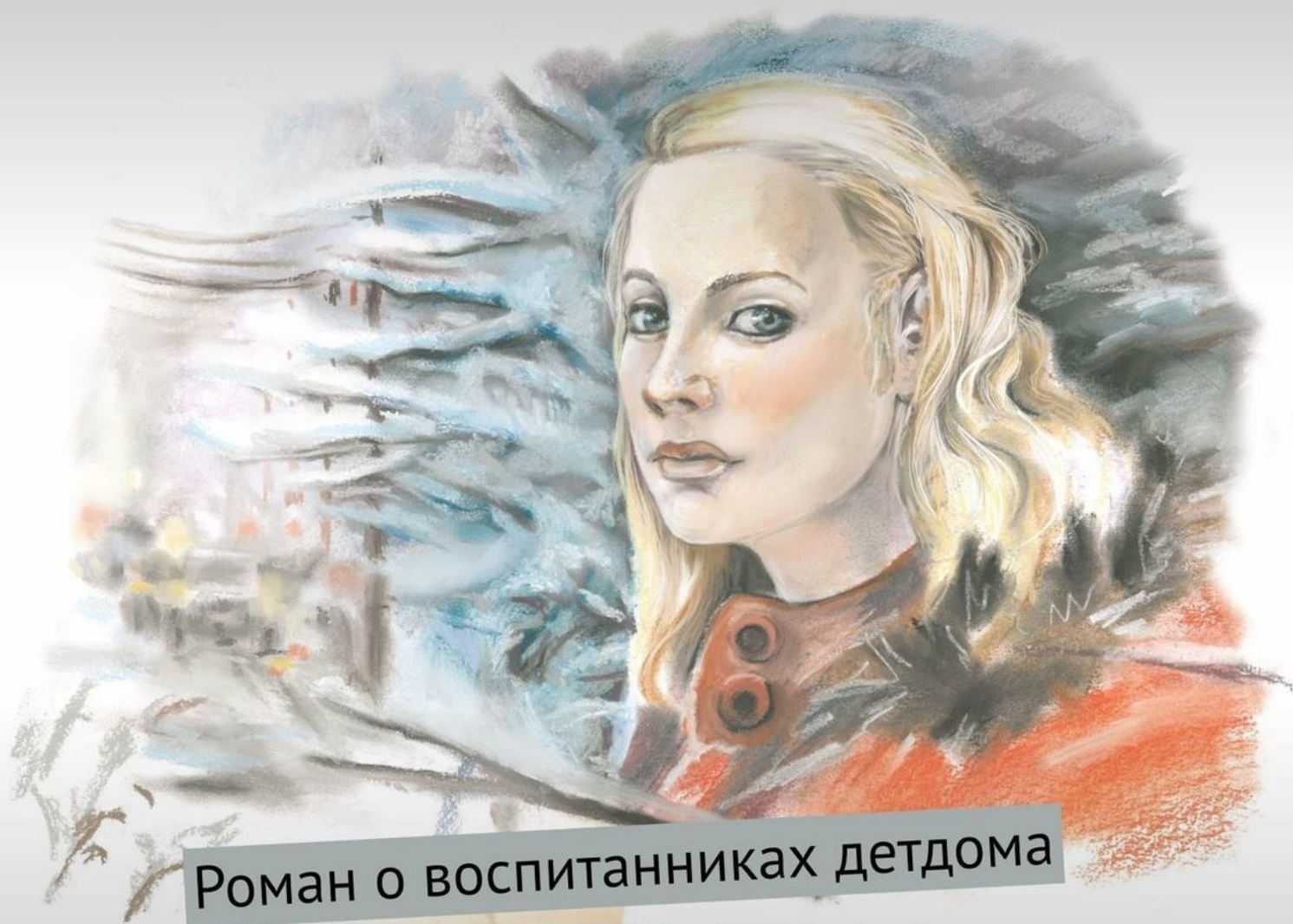

**ВЛАДИМИР
ВЛАДЫКИН**

Роман о воспитанниках детдома

ОЗОРНУХА

Владимир Владыкин

Озорнуха. Роман
о воспитанниках детдома

«Издательские решения»

Владыкин В. А.

Озорнуха. Роман о воспитанниках детдома / В. А. Владыкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938969-5

В романе В. А. Владыкина «Озорнуха» рассказывается о детдомовской дедовщине, вскрываются её истоки. В литературе она глубоко ещё не отражалась. Автор касается и такой неудобной темы, как педофилия. В последние годы это отвратительное явление участилось, но в литературе оно как нетипичное, ещё не находило своего отражения. Воспитанники детдома чувствуют фальшь и лицемерие директора. Он поощряет и насаждает систему доносительства, казарменные порядки. Но правда выходит из тени, и зло наказывается.

ISBN 978-5-44-938969-5

© Владыкин В. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	37
ГЛАВА ПЯТАЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Озорнуха

Роман о воспитанниках детдома

Владимир Аполлонович Владыкин

Редактор Владимир Аполлонович Владыкин

Художник- иллюстратор Надежда Геннадьевна Патшина

Корректор Елена Викторовна Юрасова

© Владимир Аполлонович Владыкин, 2019

ISBN 978-5-4493-8969-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Эту историю услышал я много лет назад. Но иногда мне кажется, что она произошла совсем недавно, так как с того времени в нравах людей мало что изменилось.

У моего знакомого фотографа была девушка, которая воспитывалась в детдоме. Мне тогда ещё не было известно, что в детские приюты попадают не только круглые сироты, но и те, которые имели родителей, но из-за каких-то аморальных проступков у них отнимали права на воспитание детей. В нашем южном городе было несколько детских домов. Но что происходило за их стенами, мало кто задумывался...

И когда мой друг-фотограф сказал, что в детдоме, как и в армии, «прижилась дедовщина», его сообщение меня немало удивило, так как в то время в это было трудно поверить.

Однажды я пришёл в детский дом и задал директору интересующий меня вопрос. Он выслушал и стал говорить, что меня ввели в заблуждение, все воспитатели любят детей и не допускают, чтобы они страдали из-за каких-то выродков, которых они отправляют куда надо.

Для полной картины я зашёл во второй детдом. Этот директор не только не ответил, но и велел уйти под тем предлогом, что посторонним здесь нельзя находиться. Почти та же история повторилась и в следующих приютах. В дом малютки я не пошёл по известной причине...

Я искал другие пути узнать, верно ли то, что это постыдное явление бытует? Но мне так и не удалось услышать нужный ответ. Все директора почти в один голос твердили, что я уже слышал, то есть дети у них не обижены, имеют всё, что нужно для духовного и физического развития...

Но моему любопытству помог случай, тот же друг-фотограф как-то сказал, что бывшие воспитанники детдома спустя пять лет после выпуска решили встретиться. Он позвал меня за компанию, так как я интересовался не одной дедовщиной, но и вообще темой сирот и потому я могу из первых уст услышать, как им жилось в детдоме.

Та августовская вечеринка запомнилась тем, что в квартире девушки моего друга собралось женское общество. Их было шестеро: две шатенки, три брюнетки и одна блондинка. Все нарядно и модно одетые с причёсками из коротких и длинных крашенных волос.

Когда мы пришли, они уже сидели за столом, уставленным закусками. Среди тарелок высились три бутылки сухого вина и одна шампанского. И мы туда же сбоку водрузили принесённую нами бутылку водки.

Глядя на прелестно одетых девушек, я бы ни за что не сказал, что они воспитывались в детдоме. Лица отражали здоровую физическую красоту. И потому как они сидели чинно, я и решил, что в приюте им удачно привили культуру поведения. И причём тут была «дедовщина», которая так нелепо звучала применительно к детдому.

Мой друг познакомил со всеми девушками; но мне запомнилось одно имя, которое вы скоро узнаете; тихо играла музыка; девушки спокойно переговаривались, и то и дело слегка смеялись, как-то заинтересованно поглядывая на меня. Не мог же я так благотворно влиять на них, что они исключительно перед журналистом вели себя весьма скромно. И если бы меня не было, то давно бы уже раскрепостились и пустились в свои воспоминания и узнавали бы друг о дружке, как сложилась их жизнь после выпуска из детдома. Но тогда я даже не догадывался так подумать...

Наоборот, я решил, что пока они трезвы, пора приступить к тому, зачем пришёл. И начал задавать вопросы, которые касались исключительно «детдомовской дедовщины». Но ни одна не выказала к моим расспросам интереса, они только смущённо переглянулись и продолжали

общение. Хотя теперь девушки вели себя не так раскованно, видно, мои вопросы озадачили, и непринуждённый разговор уже не получался.

Они смотрели на хозяйку квартиры и её жениха, и казалось, у них молча спрашивали: что за допрос начал их знакомый журналист и стоило ли вообще ему что-то рассказывать. Понимая неловкую ситуацию, в какую я попал, мне пришлось извиниться и сказать, что я пошутил...

Но начатая беседа у девушек уже не клеилась. И все продолжали произносить тосты, выпивать за встречу...

Так бы этот вечер для меня бесплодно и закончился, если бы минуты через три, видя, что на моём лице обозначилось огорчение, одна девушка с длинными светло-русыми волосами, в светло-голубом платье с короткими рукавами по имени Диана, приятно улыбаясь, наклонилась ко мне, и шепнула: «Я обещаю рассказать о том, что вас интересует, но в статье вы не должны называть моё настоящее имя». Мне пришлось поклясться, что я сдержу данное слово.

Хорошо, что её подруги, занятые разговором, даже не посмотрели в нашу сторону, а то бы стали Диану одёргивать, чтобы она не нарушала то, о чём лучше молчать и не выносить за пределы детского дома. Но мне подумалось, что они даже рады тому, как Диана заговорила со мной и что теперь я отвлекусь от своих странных вопросов.

Диана придвинулась ко мне и прибавила, что поведаёт только о своей жизни, так как, кроме неё, на полную откровенность не решится ни одна из сидящих здесь её подруг. А если что-то и поведают, то их рассказ выйдет неполным.

Не знаю почему, в следующую минуту она вдруг решила меня проэкзаменовать, став перечислять писателей-классиков. А меня просила назвать их произведения, я охотно включился в её игру и был точен во всех ответах...

Пока она меня опрашивала, мой друг открыл шампанское и разливал по фужерам вино. А мне и себе – столичную водку. Наверное, с час или того больше вместе со мной девушки состязались в остроумии. Диана сверкала глазами в мою сторону и пыталась своей эрудицией произвести на меня впечатление, что она не отстаёт от времени и в курсе всех литературных и театральных событий, чего не скажешь о той части современной молодёжи, которая из глубокого заблуждения считает, что теперь читать немодно...

Мы продолжали выпивать и закусывать; звучала музыка, мой друг со своей подругой выходил танцевать. А я сидел с Дианой и выслушивал её познания, которые касались современной литературы. Из классиков она любила творчество Маяковского, чем меня удивила, так как этот поэт больше публицистичен, чем лиричен. Когда ей наскучил наш разговор, Диана широко, я бы даже сказал, вызывающе улыбнулась, и была готова теперь отвечать на все мои вопросы. Но прежде чем начать рассказывать, стала расспрашивать, почему меня так заинтересовала жизнь детдомовцев? Я без обиняков ответил, что уже написал книгу об одном детдоме и его воспитанниках. Но от них я не слышал, что бы в детдоме бытовала «дедовщина».

Мой ответ Диану не удивил, но она уверилась, что я не кривил душой. Сначала она рассказала, как при живых родителях попала в детдом, а затем и о том, что пришлось ей там пережить. Собственно, то, как это произошло, не могло не поразить, когда узнал, что семья, в которой она росла до девяти лет, была вполне благополучная. Но что же произошло потом?

Диана предложила мне выйти на улицу, в квартире ей мешала музыка. Девушка мне показала, без преувеличений, очень привлекательной, с хорошей стройной фигурой и сходила даже за настоящую красавицу. Она была рослая, без тени вульгарности или чего-то пошлого. В ней чувствовалась чистота и порядочность. Мы зашли в сквер, сели на скамью. Была тёплая августовская ночь, светили звёзды. Мы просидели до рассвета. И то, что я узнал от бывшей воспитанницы детского приюта, уж извините, я поведаю от себя...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В детдоме для Дианы Крестовой первое время всё было необычным: и общая столовая, и общая для всех девочек спальня, и подчинённые распорядку дня игры и занятия. К тому же все воспитанники находились под присмотром няней и воспитателей, чем с первых дней девочка стала тяготиться. Ведь до того дня как попала в приют, она жила свободно, и потому с трудом привыкала к детдомовской среде.

У неё был младший брат Ваня, с которым, хоть и виделась каждый день, однако и он, и она были размещены в возрастные группы для девочек и мальчиков и определены к разным воспитателям. И ей думалось, будто здесь задались целью сделать их навеки чужими. Хотя поначалу Диана думала: «Ах, как хорошо, что мы, наконец, обрели желанный покой, которого так не хватало нам в родительском доме!» А здесь были окружены шумной ватагой детворы, сплочённой единым духом детдомовского быта. И отныне во сне их не будут пугать пьяные рожи тёток и дядек. И больше никогда-никогда не придётся вместе с пьяной матерью таскаться по улицам в поисках куска хлеба.

К семи годам она натерпелась столько лиха, что иному взрослому хватило бы на всю жизнь, и очень редко видела конфеты, печенье, пряники. Правда, иногда детей угощали собутыльники матери то леденцами, то кислыми яблоками. А бывали дни, когда им приносила гостинцы сердобольная соседка тётка Фаня. Вот, пожалуй, и все её скудные радости, которые остались навсегда где-то в таком мрачном, пугающем пьяным оскалом прошлом, что теперь даже боялась думать о пережитом.

А теперь Диана с ретивостью, свойственной её живой натуре, пускалась в игры с девочками, быстро осваивалась и знакомилась с их повадками, что даже норовила брать верх над соседками по спальне Шурой Брыкиной и Луизой Дубининой. Но замашки новенькой им не понравились, они с ней спорили, отстаивали свои права, и чуть ли не кидались на неё с кулаками. И когда поднимался визг и плач, в это время в комнату вбегал Ипполит Ивашечкин (по детдомовски просто Поль). Это он был поставлен директором следить за порядком. У больших девочек была своя старшая, но которой они не подчинялись, признавая на это права одного Поля. Но Брыкина и Дубинина твердили наперебой:

– Поль, эта Былка такая выскочка! Вот ещё не успела попасть в детдом, как тут же стала навязывать нам свою волю, ведёт себя нагло и самоуверенно!

– Всё, больше мне не базарьте, а то обоим врежу по мягкому месту! – выкрикнул Поль, и девочки было замолкали. Но Дубинина вспыхнула, увидев, как Поль повернулся к Диане.

– Ты мне говори, если что, – спокойно сказал он.

– Поль, она наглая и командует, отбирает игрушки у маленьких и своему брату суёт. А ты ещё за эту нахалку заступаешься? Смотри, тебя не будем слушаться, а только нашу...

– Чего? Мою тёзку Польку Полину? – он рассмеялся, откидывая голову назад. – Так вы же вдвоём над Дианой крылья распустили. Я видел, – важно прибавил тот.

И только девочки стали опять рассказывать, что вытворяла Диана, Поль поднял над головой руки и резко выкрикнул:

– Всё! Больше мне ни звука, а то сейчас Котова примчится, а может, и директор...

– А ты требуй от неё вести скромно и быть послушной, – с обидой в голосе советовала Дубинина. – Она должна знать, что с нами лучше не ссориться.

– Луизка, да ты сама кого хочешь перекричишь, – и, окинув всех презрительным взглядом, Поль спросил: – Вы всегда бываете пайныками? Тоже мне нашлись идеалки... – он скривил на сторону рот и помахал всем кулаком.

– Ну, смотри, если не заставишь её нам подчиняться, мы сейчас пойдём к директору, – вырвалось у Дубининой.

– Ябедничать? Ты тут будешь сидеть и без моего слова никуда не вылезешь! Ты поняла, что я имею в виду? И больше мне не пидай...

Дубинина враз присмирела, закивала головой, искательно глядя на Поля. Сейчас из-за Дианы она совсем забыла то, в каких отношениях была с Ивашечкиным. Да и Брыкина её дёргала за подол платья, чтобы больше с ним не спорила. Лично она боялась Поля, который их старшую Полину прибрал к рукам. Но и они ему в этом тоже помогали. Полина бегала к нему и на них жаловалась, за что они её ненавидели.

Но стоило Ивашечкину с Дианой о чём-то пошутить, как Дубинина опрометью убежала, а за ней и Брыкина.

Однако не прошло и дня, как подружки снова сцепились с Дианой. На этот раз они сами стали к ней приставать, чтобы их слушалась как старожилка детдома, а если не будет, они не дадут ей спокойно тут жить. А поскольку новенькая не хотела подчиняться установленным правилам и выказывала неуёмную строптивость, они пожаловались на неё старшим девочкам. Пришла Полина и стала её дёргать за косы. Но Диана резко шлёпнула ту по рукам.

– Думаешь, я тебя испугалась? И вот этих, как бы ни так, ха-ха! – и стала всех высмеивать и кривляться. – А ты Польша, с Полем не целуйся, я всё вижу! – она опять засмеялась. Эти слова вывели из себя Луизу и Шуру, которые ревновали её к Полю и на неё жаловались Кротовой, будто Полина сама пристаёт к Полю. Но тут вот выискалась ещё похлеще Полины, перед которой Диана высмеивала подружек...

– Если ты будешь ещё так выкомариваться, мы всё расскажем Полю. Уж он тебя быстро скрутит в бараний рог, – сказала Полина в девичьей спальне.

– Это меня-то? – засмеялась Диана.

– Да, тебя, и ещё выпорот розгами! У нас все его слушаются. Вот тогда не так запоешь...

– А кто он такой? Я с ним буду дружить, я слово ему дала! И он меня и пальцем не тронет! А вас будет гонять как сидоровых коз! – Диана рассмеялась во весь свой широкий рот.

– Да ты его не знаешь! Он помощник директора. Вот тогда запоешь...

– А ты, Пышка, кто? Я видела, как ты от директора выходила, – выкрикнула Диана.

За этой перепалкой наблюдали не только сверстницы Дианы, но и большие, бывалые детдомовцы, которые уже несколько дней присматривались к поведению новенькой. И ждали, скоро ли проказница поймёт, что надо уважать порядки их большой семьи.

Но такое натаскивание претило её свободолюбивой натуре, и после очередных выговоров больших девочек, всякий раз она восставала. К тому же они действовали вероломно, таскали за волосы и по-мальчишески пускали в ход кулаки. А если надо, то не скупилась и на унижительные для неё пинки и подзатыльники. Но Диане, весьма рослой и крепкой на вид девочке, которая повидала ещё и не такое, эти хулиганские выходки ярых забияк, были не в диковинку. Она вырывалась, хватала Полину за волосы, не хуже её отбивалась кулаками и даже посылала обидчиц на три буквы...

Однажды её отборную ругань удостоилось услышать самому директору детдома Александру Александровичу Марусьеву, который шагал как раз по коридору. Впрочем, ему Полина пожаловалась на новенькую, которая никого не слушается. Но он и сам регулярно проводил осмотр спален, комнат игр и занятий, а также и столовой. Правда, на неделю он уезжал в областной центр на всеобщее собрание директоров детдомов. И вот решил посмотреть, что делалось в его отсутствие в вверенном ему сиротском заведении. Он не преминул с ходу заглянуть в комнату для игр и занятий. И тут его взору предстала следующая картина: на подоконнике во весь рост стояла новенькая, а перед ней выстроились старшие девочки. И та, что стояла на окне, исторгала из своего большого рта в их адрес непотребную брань, от которой опухли бы уши даже у взрослых, и вот Полина, как самая старшая, заставляла её слезть с окна.

– Пошли вы все на х... б... такие...

– Ты, Жирафа с длинной шеей, что ругаешься.

– Будылка длинноногая, вот ты кто! Тебя ребята быстро скрутят, как дуру набитую. А если не слезешь, позовём директора...

– А я уже здесь! Ах, какие поганки! – услышали они. – Это от кого я тут слышу заборную грязь? – резко выкрикнул Марусьев, и все моментально в паническом испуге оглянулись на голос директора. И по очереди зачинщицы перебранки опрометью стали проскакивать мимо него.

И вот в застывшей позе на подоконнике осталась стоять Диана, словно на постаменте статуя, уставилась, не моргая, на солидную в новом сером костюме фигуру Марусьева, который подошёл к девочке решительной поступью и вскинул с ходу к ней обе руки, чтобы снять проказницу с подоконника.

– Отойдите, я сама спрыгну! – быстро выкрикнула Диана, смело отступая в сторону от директора.

– Вот я тебе задам порку, чтобы на мою голову ногу сломала, а мне потом за тебя отвечать? – и он, проявив твёрдость, поймал девочку, взял под мышки и затем опустил на паркетный пол, натёртый до блеска. Но из рук её пока не выпускал, словно ожидая того момента, когда она станет вырываться.

– Ты где успела нахвататься гадких слов? – сурово насупив лохматые брови, спросил Марусьев, взяв Диану за косу.

– Меня там уже давно нет! – отчеканила воспитанница, и глядела на него, несколько не смущаясь, почти дерзко.

– Это ты с кем таким тоном разговариваешь? – возмутился директор, больно дёрнув девочку за косу, став затем накручивать на свою пухлую руку, и с каждым витком тыкал в затылок воспитанницу кулаком, приговаривая менторским тоном: – Чтобы я больше мата не слышал, тебе всё понятно? Это детское учреждение, а не тот притон, из которого тебя вытащили добрые люди, чтобы из тебя воспитать достойного для общества человека!

– Ой, что вы делаете, я так без косы останусь! – заверещала Диана, пытаясь высвободиться из крепких рук директора, вертясь, как шар вокруг своей оси.

– Вот и отлично, мы так и сделаем, чтоб из тебя сразу вытравить, пострижём. И почему до сих пор этого не сделали?

– А мне разрешили не стричься, разве вы не знаете? – и уставилась с кротким видом, с изумлением в глазах девочка.

– Кто позволил отменять устав детдома, я мигом выясню! – менторским тоном процедил он, всё ещё не выпуская её русоволосой косы.

В этот же вечер Диану постригли наголо. И девочка долго не могла успокоиться, захлёбываясь в умывальнике слезами, пока за ней не пришёл сам Марусьев в сопровождении старшей воспитательницы Розы Викторовны Кротовой. А позади них стоял Ивашечкин, который тяжело дышал.

В то время, когда Марусьев занимался Дианой, он был в углу двора, где росли высокие яблони, а около высокого кирпичного забора – клёны, под которыми большие пацаны собирались играть в карты. За Полем прибежал юркий паренёк по фамилии Болтнев, который из-за неё получил кличку Болта, и вот он должен был находиться на атасе в коридоре детдома, когда пацаны играли в карты и в случае появления директора ему надлежало бежать за ним...

– А там эту новенькую обстригли, – выпалил худощавый, и лихо засмеялся.

– Это кто? Маруся? А чего сразу не сказал! – вскочил с земли Поль, бросая карты, командовав тут же собрать их. А сам опрометью помчался в детдом...

И вот он стоял позади директора и воспитательницы и слушал:

– Ну, будет тебе Крестова слёзы лить! Ещё вырастут погуше прежних, что будешь сама диву даваться, – сказал он приподнято, и миролюбиво взял её за плечи.

Диана резко вырвалась, отступила от Марусьева, порывисто вытерла слёзы, и посмотрела исподлобья на пухлое лицо директора, голова которого сидела на плечах так низко, что даже было не видно толстой шеи. А плечи раздавались на аршин, мясистые щёки несколько колыхались при разговоре, а под щёлками плутоватых глаз набрякли веки. Он казался квадратным и от этого вызывал у девочки отвращение, что поневоле она надулась.

– Не упрямясь, Крестова, нам с тобой, учти, тут некогда нянчиться! – сказала Кротова. – Ты у нас здесь не одна...

– А где Ивашечкин? – спросил директор.

– Да я здесь, Сан Саныч!

Директор окинул его взглядом и сурово сказал:

– Ослабилась дисциплина. Девочки стали драться, смотри мне, Ивашечкин. А ну давайте все на ужин, глянул он на ручные часы на своей толстой припухлой руке.

В столовой, куда он её привёл, звенели многочисленные голоса разновозрастной детворы. Но как только все увидели вошедшего в зал директора, так тотчас установилась такая тишина, что было слышно жужжание на окне мухи, которая билась о стекло. Взоры детдомовцев, полные немного любопытства, ощупывали Диану, строя на бесстрастных, жёстких лицах то наглые ухмылки, то безжалостные усмешки, что наконец-то для новенькой кончилась лафа, распрощалась Будылка со своими длинными патлами...

Усадив Диану за стол, Марусьев пошёл на кухню, чтобы ему подали в кабинет ужин. После этого распоряжения он ушёл восвояси, а в столовой после его ухода понемногу поднимался звенящий, рокошующий гомон детворы.

– Ура! Маруська слинял! – шёпотом передавали ребята друг другу свежую весть.

И вот зашлёпали катушки хлеба кому-то в чашку, а кому-то и в лицо. Один шарик отскочил от большого пацана Ивашечкина Ипполита и срикошетил прямо в Диану. Она невозмутимо подняла глаза на пацанов, которые были старше его года на два, а то и три и вели озорную перестрелку. Находились смельчаки, которые его не боялись, но с Полем не хотели связываться потому, что директор из всех его выделил за умение любому дать сдачи. И потому над всеми, кто был старше его, Польша держал верх. И с ним никто не хотел связываться, так как за ним стоял директор. Это Диана слышала от девочек, и сейчас несколько обиженный взгляд столкнулся с нацеленным на неё цепким взглядом Ипполита, который весело подмигнул Диане, словно говорил, дескать, не робей, подруга, тут через корняне проходят все.

– А ну мне утихните! И хлебом не кидаться, али хотите пол вымыть и двор подмести?! – вскрикнул Польша, махая всем кулаком.

И мигом в столовой установилась тишина.

С этого вечера в столовой Польша стал Диане оказывать покровительство, никому не давать девочку в обиду. Впрочем, всюду, где ей приходилось бывать на территории детдома...

– Хочешь, я тебя буду звать сестрицей? – предложил однажды Польша. – В тот раз ты мне не понравилась. Учти, я наглых не люблю, хотя сам бываю не дай боже. А тут иначе и нельзя.

– А что у тебя совсем никого нет? – поинтересовалась она.

– Да, больше отец не успел – в тюрьму сел!

– Ну, в таком разе я могу быть только двоюродной. Это всем разрешается. Ведь родной брат у меня уже есть! Разве ты его не знаешь?

– Это от меня не укрылось, в первый день вычислил. Так надо, ты не обижайся. Он уже в моей кодле, Диана. Да и тебя мне сдавали наши чувихи, но я не торопился взять тебя на абордаж... Только, помнишь, говорил, чтобы не наглена. А ты не послушалась, слыхала, что директор провякнул? Так что учти...

– А что же так, пожалел? И ты бы розгами меня бил? – улыбнулась лукаво она, прищуривая натянуто глаза.

– Ты на виду воспитателей води себя хорошо, а со мной не пропадёшь. Про розги это я сам слух пустил, чтобы слушались. Но однажды стебанул Луизку. У неё язык длинный. Имей в виду. Тут надо хитрить, а не лезть на рожон. Меня Маруська за своего... держит, а ты про это никому не базарь. Усекла?

– Как не базарь, когда Луизка и Полина, которую ты любишь, мне и сказала, что ты...

– Заглохни, и чтоб мне про неё ни слова, поняла?..

– Ох-ох, она невеста твоя, что ли? – весело спросила не без ехидства Диана.

– Хочешь и ты будешь, но не сейчас, а когда подрастёшь...

– А разве сёстры могут быть невестами?

– Но ладно, ладно, я пошутил...

* * *

...С какого-то времени Диане начала сниться мать, и такими картинками, как это бывало порой в жизни, она брала её на руки и куда-то несла по улице. А вечером приходили в свою квартиру, в которой царил беспорядок: кругом пыль, грязь, и вот она принималась за уборку. Но у матери почему-то всё вываливалось из трясущихся рук: и посуда, и веник. Видя ужасную немощь матери, Диана поспешала ей на помощь, брала веник и пока подметала, мать, как под шапкой-невидимкой, куда-то исчезала, отчего на девочку нападала небывалая тоска, и, засыпая, всхлипывала во сне. И она, охваченная страхом от одиночества, дрожа всем телом, просыпалась...

А потом, словно по призыву Всевышнего, Таисия появлялась в детдоме, чтобы провести своих забытых детей. И каждое такое её посещение оканчивалось для детей слезами и неизбежной грустью. В следующий раз мать пришла через несколько месяцев (после лечения от алкоголизма) показаться, какой теперь стала свежей и бодрой. И, преисполнившись верой, что теперь ей вернут детей, с ходу пошла к Марусьеву. Однако переговоры с директором к желаемому не привели, она ушла донельзя обиженной и морально подавленной.

А Диане и брату Ване после посещений матери в памяти оставались лишь одни гостинцы. Сначала при виде несколько посвежевшей и даже помолодевшей матери у Дианы проснулась в душе радость и желание больше не расставаться с дорогим ей человеком. И так хотелось верить, что отныне мать будет жить по-другому, поскольку сознание возвращало хорошее прошлое, когда её запои сменялись неделей-другой отрезвления. И по тому времени девочку охватывала безотчётная грусть. Мать опять приходила и обещала дочери вернуть свои родительские права. Но дочь почувствовала исходивший от матери несвежий запах спиртного. Диана в отчаянии оторвалась от неё и закричала:

– Ты опять пила? Зачем ты меня обманываешь? Такой тебе нас больше не вернут!

– Ой, доченька, да разве я виновата, что они не отдают вас?! – взмолилась мать, подавшись к Диане. – Это директор мне не верит. А ты должна, должна, кто же, кроме тебя, проникнется ко мне жалостью, что я стала слабой и пью опять от горя, что вас не возвращают, как обещали когда-то...

– А ты терпи, не пей, может, и мне тут начать?

– О чём ты, упаси тебя, Господь, от моей юдоли горькой! Любви моей растоптанной отцом уже не вернуть! Только вас и люблю...

– О твоём пьянстве, вот о чём! Мне Ваню жалко... И ты нас не любишь, коли пьёшь!

– Ой, не говори так. Если бы отцу так было жалко как мне вас. Но я слабая, безвольная, прости меня, Дианочка. Вот увидишь, я всем им докажу, что я умею брать себя в руки.

– Если говоришь, что слабая, то как ты это докажешь?

– И сама не знаю, – она растерянно развела руками, и вяло прибавила: – Но буду пробовать...

Диана уже не знала, верить ли ей? И как скоро это произойдёт ни дочь, ни мать не знали.

Брат Ваня, не найдя сестру, пошёл в комнату, где обычно встречались дети со своими непутёвыми родителями. Мальчик увидел сестру и мать и почти со слезами кинулся к ним и стал упрашивать, чтобы мать забрала их отсюда домой. Однако девочке хотелось верить, что Таисии удастся добиться своего. С этой надеждой брат и сестра прощались с родительницей, ожидая следующего её посещения.

Казалось, проходило бесконечное число дней до новой встречи. Но стоило Диане почувствовать исходивший от матери запах спиртного, как на девочку опять набегали горестные воспоминания. И даже не успела в душе проявиться радость, как следом возникало ощущение гадливости. И снова картины уже изрядно забывшегося пережитого, завертелись роем перед глазами девочки. И мать уже больше не говорила о своих обещаниях, она жаловалась на свою трудную безысходную жизнь, что очень скучает по детям, и от этого ей становилось совсем плохо, вот оттого и запивает. Но когда видит Диану и Ваню, ей делалось так хорошо, что дочь хотела верить матери и очень её жалела.

В следующий раз мать появлялась после долгого запоя, её лицо было опухшее, тусклое. На ней сидело приталенное, помятое, не выглаженное платье, и от неё исходил винный перегар. Понимая, что происходило с матерью, Диана в диком испуге, как от прокажённой, невольно отшатнулась. Кто бы знал, как в ту минуту девочке становилось неловко перед детдомовцами, которые за ними, Крестовыми, наблюдали со стороны. И Диане только оставалось терпеть её присутствие, исключительно из-за брата, который встречал мать по-прежнему со слезами, жалобно прося забрать его отсюда вместе с сестрой.

Таисия, увидев, что сын заплакал, онемела, растерянно заморгала часто ресницами, глядя пьяными повлажневшими глазами, отчего нос покраснел и плаксиво наморщился, что казалось, она сама вот-вот разрыдается.

– Ваня, Ваня, что ты, посмотри какая она пьяная. Она нас не любит, вот и пьёт, – успокаивала братишку Диана.

– Что ты, доченька, зачем такое ему говоришь?! – вскрикивала отрывисто, выплаканным тоном Таисия. – Это отец вас не любил и поэтому бросил, а мою жизнь загубил, окаянный...

Видя, что на мать находит пьяный припадок, Диана схватила за руку брата и потянула от неё прочь, прижимавшего руками кулёк с конфетами.

– Ты тоже убегаешь от меня, как и отец? Как ты можешь! Ах, ну что же, я всегда думала, что ты вся в него пошла! – кричала вслед мать.

В следующий раз, когда она снова заявила, Диана вышла к матери без брата. Конечно, она уже не горела прежним желанием повидаться с ней. Однако какая-то неведомая сила всё же выталкивала Диану, лишь бы показаться на глаза родительнице. Наверное, дочь ещё надеялась, что мать должна исправиться, перестать пить горькую, коли окончательно потеряла уважение девятилетней девочки, которая смотрела на жизнь не по-детски, тая во взгляде неистребимую обиду. И невольно думала: «Когда же она опомнится и вернёт нас домой? И как бы нам было радостно, что мамка наконец-то перестала пить!»

Но этого, к сожалению, и близко не произошло. От Таисии исходил всё тот же перегар, и поражала всё та же донельзя заношенная одежда. И только бы отвязаться от рано постаревшей матери, Диана выпроваживала, говоря, что ей уже пора идти на занятия кружка по рукоделью.

– Ты так быстро меня гонишь, Дианочка? А где Ваня, почему его не привела? Что же ты брата от меня укрывать стала?

– Он пошёл с группой ребят гулять в парк, их туда повела воспитательница, – жёстко отрезала девочка.

– Ты зачем учишься врать? – с тоской в набрякших глазах смотрела Таисия, вся исхудалая, жалкая, растерянная. Но вместо ответа Диана процедила слова прощания и убежала, оставив мать со своим думами в горестном одиночестве.

* * *

Вот и пролетело очередное лето, Диана пошла в третий класс с желанием поскорее вступить в доселе неизведанный мир взрослой жизни, которая начинала интересовать её в этом возрасте своими ещё не разгаданными тайнами.

В классе с самого начала обучения она была выше всех; красивое лицо поражало не по возрасту осмысленным взглядом. И, пожалуй, только большой толстогубый рот несколько нарушал гармонию её лица. Особенно это бросалось в глаза, когда она смеялась. Да и вышагивала Диана размашисто, бойко и подчас озорно смотрела на своих одноклассников. И улыбка, освещённая большими серо-голубыми глазами, в соединении с простодушием получалась несколько вызывающе-дерзкая. В первом классе настроение ей портили ещё не отросшие волосы, но уже спустя два года они были густые, пышные и она ими по праву гордилась.

С первых дней пребывания в детдоме, а потом и в школе, к Диане так и пристала кличка Жирафа, которой была удостоена не за один высокий рост, но и за несколько длинную шею. После того, как Диану в классе стали обзывать Жирафой не только детдомовские, но и домашние, в обидчиц она запускала то, что попадало по руку. Но потом привыкла и сама награждала обидчиков прозвищами.

А когда пришла в детдом из школы, Диана долго стояла в умывальнике перед зеркалом и придиричливо рассматривала своё отражение. И не всегда она оставалась осмотром довольная. У неё были длинные ноги, зато весьма стройные, у неё была длинная шея, зато отнюдь не кривая и не сутулая спина. В общем, Диана не находила в себе уродину, её вызывающе стройной стати могли завидовать даже старшеклассницы. А все мальчишки из её класса (одни меньше, другие больше) выглядели перед ней коротышками.

Наверное, поэтому они чаще, чем девочек, погоняли её прозвищем животного с длинной шеей. Впрочем, многие из них ей тоже уступали почти во всём, и от этого Диана вызывала у одноклассниц зависть, но со временем она уже почти не обращала внимания на то, что её дразнили Жирафой. Но она и сама начинала над кем-нибудь язвительно насмехаться. Особенно она высмеивала лопоухих, трусливых и даже наглых. Однажды двое рослых мальчишек прижали её в углу, и она так изловчилась, что ударила ногой одного в колено, а второго между ног и с тех пор её никто не трогал, называя сумасшедшей...

Однако она не была отъявленной егзой. Иногда к этому её подталкивали шаловливые одноклассники, которые выдумывали разные потехи и забавы. Да ещё, когда называли её не по имени, а прозвищем и вот тогда она была вынуждена давать сдачи и тоже переходила на оскорбления...

Детдомовцев в классе было не столь много, а больше «домашних», с которыми Диана часто перебранивалась, защищая свою честь. Ведь два года назад она тоже жила в отдельной квартире. Но то далёкое время ушло так далеко, что теперь казалось она всегда жила в детдоме. Но если бы не пьянство матери, они бы с братом по-прежнему оставались «домашними» детьми. Осознав это сполна, Диана ещё больше затаила на беспутную мать обиду. Но что она теперь могла поделать, разве в этом была только её вина, из-за которой она, Диана, очутилась в детдоме?

И ей ничего другого не оставалось, как самой насмехаться, оскорблять с той единственной целью, чтобы её стали уважать одноклассники из «домашних». Может быть, у них не было никакого злого умысла, просто их отношения порой чередовались то потеплением, то охлаждением.

По этой или другой причине у девочки иногда возникали резкие перепады в настроении: то ею овладевали приступы грусти, то находила на неё весёлость, и тогда она могла смеяться как сумасшедшая по всякому пустяку. И даже не чуралась слегка дерзить учителям и воспитателям, если к этому они её невольно вынуждали, как некогда Марусев напомнил, из какой

бытовой дыры они её вытащили. А разве это не являлось причиной мрачного настроения? Хотя Диане было очень неприятно, когда её заставляли в таком состоянии. И она у всех на глазах начинала смеяться. Диана считала, что печалиться, грустить – это не её удел, и старалась подавлять в себе приступы меланхолии.

И как бы ни расспрашивала её Натэлла Ивановна Петухова, почему она так вела себя, девочка в ответ лишь смеялась и ещё глубже уходила в себя. Впрочем, замкнутой, подобно нелюдимке, её никто не видел. Если случалось, кто-то обижал брата Ваню, Диана налетала на пацанов, как разъярённая львица, и таскала за чубы обидчиков. Но за дерзкие выходки воспитатели объявляли ей строгий выговор. А среди детдомовцев своим бесстрашием она снискала уважение. Поль лично разбирался в том, почему дерзость Дианы приводила к ссорам и дракам.

Из-за своего характера Диана трудно привыкала к укладу детдома, но со временем некогда чужие воспитатели и воспитанники становились для неё всё ближе и родней. А обычаи и традиции детдома уже не вызывали тоску по домашней жизни. Правда, ей долго был памятен тот неприятный случай, когда директор Марусьв, намотав на руку её толстую косу, делал нарочно больно, чтобы она с ней рассталась без сожаления.

И Марусьв как ни пытался смягчиться перед воспитанницей, как ни приручал её к себе, чтобы между ними установились доверительные отношения, ему этого добиться так и не удалось. Диана не соглашалась ни на какие обещания и продолжала выказывать строптивость, не желая вести с директором душевные беседы, испытывая к нему всю ту же неприязнь...

Свою мать Диана уже не видела месяцами, с чем уже мирилась, а брату объясняла, что она попала в больницу. Но стоило Таисии, вопреки запретам воспитателей, прийти к детям пьяной, девочка опять вспоминала, как из-за неё попала в детдом, и приходила в себя только после её ухода...

Но со временем мать уже сама отчуждалась от дочери, часто забывала о детях и брела по жизни без цели и адреса. И когда случайно шла по той улице, на которой стоял детдом, взгляд выхватывал вывеску приюта, и тут только прорезалось угрызение совести. Она с радостью отмечала, что до конца ещё не утратила чувство вины за судьбу своих детей. Но уже навсегда смирилась с положением лишённой материнских прав. И была уверена, что без неё они вполне счастливы: одеты, обуты и накормлены. Хотя бывали моменты, когда её вновь беспокоила обида за утерянных детей, которых ей уже ни за что не вернуть, если даже совсем откажется от спиртного.

– Как по тебе я соскучилась, моя родная, – жалобно взывала Таисия, глядя на дочь с обожанием. У неё были опухлые подглазья, лицо серое, на подбородке и щеке засохли свежие ссадины. – Как ты уже выросла! Вижу, совсем мне не рада, что же так?

Диана с презрением и ужасом смотрела на постарелую мать, которая стояла перед ней в бедной заношенной одежонке, и сознавала, что уже всё меньше подробностей безрадостного прошлого оставалось в памяти.

– Отца ты ещё не забыла? – вдруг спросила Таисия с какой-то внезапной озлоблённостью.

– Зачем я должна его помнить? – отчеканила холодно дочь. – Я скоро и тебя забуду...

– Хоть в этом ты молодец! – блеснула она просветлёнными глазами. – А ты вот не знаешь, что он приезжал недавно, о тебе и о Ване спрашивал, – продолжала жалобно мать и тут же страдальчески возвысила тон: – Но я прогнала душегуба с порога! Это из-за него я несчастная баба свихнулась на любви к нему, отчего вот и погибаю. Уж, думаю, ты меня простишь, да помни, что любовь до добра не доводит...

– Хватит молоть глупости! – резко прервала Диана, и уже не было терпения смотреть на мать. – Уходи... мне уроки пора делать, – сказала неумолимо она, пятясь от матери.

ГЛАВА ВТОРАЯ

...Тогда стояла ранняя весна, только что начал сходить снег. Альберт Крестов проходил службу в городе N. при автобате и часто возил на стрельбище боевые расчёты. Он был высокий, плечистый, красивый с курчавыми тёмно-русыми волосами. С местной девушкой Таей Забалуевой он познакомился на третьем году службы в увольнении.

Дело было так: две юные девушки в нарядных платьях возле кинотеатра «Победа» стояли в очереди за мороженым. Ему тотчас бросилась в глаза высокая, стройная с голубыми глазами. Подруга первая увидела, как на них заинтересованно смотрел солдат, и ретиво толкнула Таю в бок.

– Смотри, кто нас глазками обстреливает? – сказала она.

Тая посмотрела на кого показывала подруга и уловила того пристальный взгляд.

– Небось, дома имеет девушку, а здесь решил поразвлечься, – решила она.

– Ну и пусть, жаль, что он только тебя облюбовал, – заметила подруга, продолжая сверлить солдата взглядом.

– А что ты сама на него вылупилась? – бросила весело Тая. – Лучше пойдём в кино, и тогда он отстанет.

И они пошли в кинотеатр, где показывали фильм «Я шагаю по Москве». Однако скоро они увидели, что солдат тоже вошёл в фойе и смотрит на них, чем вызвал у девушек лёгкий смех. Он подошёл и представился:

– Сержант, Альберт Крестов! А вас как зовут? – спросил он, глядя на Таю.

– Меня Вера, а её Тая, – опередила подруга.

– Извините, Вера, но вы не сердитесь на меня, моей невестой будет Тая.

– Почему вы так уверенно заявляете? – удивилась, слегка смеясь, девушка.

– Сердце подсказывает, вы обе хорошенькие, но мне Тая уже стала ближе.

– Ой, ой, ой! – воскликнула Вера. – Лучше скажите, кто вас дома ждёт?

– Никто, бывшая девушка честно сказала, что ждать меня не рискнёт.

– Тая, я не советую с ним встречаться, этот красавчик всё нам врёт!

– А я и не собираюсь, сейчас – разогналась!

– Я докажу, что скоро вы перемените обо мне мнение, – сказал сержант.

В кинозале они сидели на разных местах. После кино Альберт ожидал девушек на улице, куря сигарету и поглядывая на выход из кинотеатра. Девушки скоро показались среди других зрителей. Увидев сержанта, они остановились, а затем пошли вверх по улице, стараясь не оглядываться. Альберт довольно быстро нагнал подруг.

– Вы долго нас будете преследовать? – серьёзно спросила Вера.

Она была ниже Таи, полноватая, со стрижкой из русых волос. У неё тёмно-русые волосы были распущены по плечам, розовое платье на её стройной фигуре сидело превосходно.

– Пока не надоест, но думаю, вы этого не дождётесь! – браво ответил сержант.

– Смотрите, опоздаете в часть из увольнения! Ох, как вам влетит, – бедово сказала Вера.

– Вы и будете виноваты. Мне нужна не вы, Вера, а Тая.

– А где Вы служите?

– А на выезде из города. Между прочим, скоро дембель. Так что предлагаю Тае дружбу и любовь!

– У меня нет родителей. Вас такая невеста устроит?

– А что, бросили такую красавицу? – с притворным испугом спросил сержант. Он не поверил и думал, что она его проверяет.

– Вы бы не смеялись, они попали в аварию. Самолёт разбился, – ответила Вера.

– Приношу соболезнования. Теперь уж точно от вас я не отступлюсь.

Надо ли рассказывать дальше, как Альберт Крестов стал женихом Таи, потом были свидания без подруги. И девушка скоро влюбилась в сержанта, который после армии твёрдо решил связать с ней свою судьбу, для чего и остался жить в её городе по велению сердца. Тая так крепко привязала к себе бывшего сержанта, что он напрочь забыл свой далёкий шахтёрский посёлок...

У Таисии действительно родители погибли в авиакатастрофе. Спустя время одинокая девушка полюбила солдата, мечтала создать дружную семью. Они и подходили друг к другу: оба высокие, стройные, что всем казалось – лучшей пары и не сыскать. И казалось, Альберт и после свадьбы будет по-прежнему души не чаять в своей ладно сложенной жене, которая была на пять лет моложе его.

С первых дней Таисия обустривала семейное гнёздышко, которое досталось ей после родителей в старом двухэтажном доме. Две комнатки, разделённые ширмой в полуподвальном этаже. Она старалась угадывать вкусы мужа и в еде, и в одежде, и была довольна, когда ему угождала. А наедине не спускала с него своих нежных взоров, чувствуя, как всё больше овладевала ею сердечная привязанность к Альберту. Ведь поначалу не верилось, что такой мужчина мог в неё влюбиться, и она думала, что это просто сон. Хотя о себе она тоже была высокого мнения. Но у неё за плечами была только восьмилетка да курсы поваров, а у мужа средняя школа, работа водителя.

Первенцем у Крестовых родилась дочь, названная молодым отцом Дианой. Спустя три года появился сын Ваня.

Сначала Альберт водил по городским маршрутам пассажирский автобус. Но со временем эта работа стала не устраивать, хотелось больших заработков, для чего по знакомству перешёл на междугородние перевозки пассажиров, а потом и в солидную автоколонну, где получил большегрузную фуру для грузовых рейсов по матушке Отчизне...

Частые командировки, редкие дни в кругу семьи отдаляли Альберта от семьи. Когда муж возвращался домой из дальних рейсов, Таисия стала всё чаще наталкиваться на его безразличие. Словно вода в песок уходили его чувства, какие проявлял к ней и до и после свадьбы. Но вот спустя год или два точно чёрная кошка перебежала ему дорогу; день ото дня она гадала, что она не так сделала, почему он остыл к ней? И ни словом, ни взглядом Таисия не выдавала свои догадки. А когда приезжал, начинал раздражаться; это подсказывало, что у Альберта на стороне появилась женщина, он был не в силах делить себя на две семьи, вот и злился. Таисия в детсаду работала поваром и однажды поделилась своей жизнью со старшей воспитательницей.

– Эх, милая, я знала такой случай, имел мужик две семьи, ездил в командировки и там завёл любовницу. Родила она сына, а от первой была дочь. Вот он и выбрал ту, которая родила ему сына. Так что раз на раз не бывает. Твой, небось, просто кобелюет...

– Это разве лучше? Не говорите так, я не вытерплю и скажу ему.

– Да? И он тебе так и признается! – она рассмеялась.

– А что ж мне делать?

– Заголяйся... и себе бегай на сторону!

– Чему ж вы меня учите?

– А не будь тогда наивной! Терпи, коли замуж вышла. Я эвон как узнала, что мой гуляет, так и влепила ему в ухо и ушла прочь.

– Из своего дома я никуда не уйду.

– Ну и сиди, деток воспитывай, а ему не угождай, тогда он скорей одумается...

Однако она делала вид, что всё идёт по-прежнему, просто он настолько привык к длительным с ней разлукам, что они охлаждали его чувства. А ей только мнятся подозрения в его неверности, ведь работа тоже отнимала у него много физических сил, и он настолько уставал, что был не рад ничему...

– Ты бы хоть стол накрыла, – однажды обронил он.

И Таисия засуетилась, сбегала в магазин за нужными продуктами. Приготовила селёдку под шубой, грибов с жаренной картошкой, огурчиков солёных, свежих нарезала помидоров с зелёным луком, сварила кусок свинины. И ко всему этому бутылку водки. Но она забыла наказ бывалой напарницы, чтоб не угождала и не потакала всем его прихотям.

С того дня к его приезду она всякий раз готовила нарядный стол, и просила прощения, если сделала что-то не так. А мужу того было и надо, придирчиво осматривал стол и указывал, чего хотел видеть на столе. И она бежала опять в магазин, приносила его любимые консервы...

И вот после такого застолья свершилось неизбежное, Альберт в постели неожиданно отвернулся от Таисии. Её охватила обида, почему же она перестала его устраивать?..

– Что случилось, Аля? – спросила Таисия.

– Ты о чём?

– О тебе. Был таким ласковым, нежным, ненаглядной называл, а теперь и слова другого не скажешь...

– Спи, завтра скажу...

– У тебя есть другая? Я хочу сейчас от тебя услышать...

– А что ты будешь делать, если скажу: да?

– Почему ты меня обманываешь?

– Да уж жизнь такая...

– А ты на жизнь не сваливай, сам такой.., – крикнула она.

– Чего я с тобой добыюсь? Ну, детей воспитаю, а настоящей жизни не увижу. Ездить по свету хочу. И она со мной... сейчас в положении... – нервно, с болью выпалил, точно Тая была в этом виновата, что выбрал себе такую долю – жить на два дома.

Хотя и поздно, но он честно признался жене, как встретил и полюбил другую женщину, теперь она ждала от него ребёнка. Только не сказал, что та оказалась дочерью одного начальника путей сообщений. И это решило всё дело...

– Она тебя застольями встречает?

– С чего ты взяла? У неё есть характер...

– А что же ты меня заставлял бегать по магазинам?

– Проверил, как ты станешь вертеться юлой, – он язвительно хохотнул.

– И что ж мы с тобой не могли бы ездить? Вот дети подрастут...

– За границу мы с тобой никогда бы не вырвались...

– А кто же она такая, что тебе позволят туда поехать?

– Будет другая работа, но какая не могу сказать... Государственная тайна.

– Она тебе её даст? Ой, лучше бы не обманывал...

Вот значит как, её соперница проявила отчаянную смелость, ухватила за женатого, даже не посмотрев, что он обрекал на безотцовство двоих деток. Напрасно Таисия пыталась его вразумить, пока не поздно остепениться, отказаться от блудливой девицы. Однако на её злые слова он только вспылал, и заверил, что всё у них серьёзно. А в ней, Таисии, он ошибся, и она должна простить его за это. На Альберта её увещевания уже никак не действовали, а вскоре он и вовсе откололся от налаженного руками жены семейного берега...

И с того момента в судьбе Таисии, приученной мужем к стоворчивости и податливости, произошёл роковой надлом, который повёл духовно слабую молодую женщину в беспутство. Впрочем, она была уже подготовлена к падению праздничными застольями, которые устраивала ему в угоду в дни возвращений мужа из рейсов. И Таисия стала попивать, и с каждым разом всё чаще. Правда, ещё не настолько сильно, чтобы делать прогулы, работая по-прежнему в детсаду поваром, лишь бы только деточки воспитывались у неё на глазах...

...На развод Крестов подал не сразу. Сначала для пробы пожил со второй женой, и, видно, молодая женщина всем взяла, что Альберт так крепко к ней пристыл. Собственно, это так

думалось Таисии, которая всё ещё надеялась на его возвращение. Но тут прислали повестку явиться в суд; она пришла, стала умолять судей не рушить семью; они пытались примирить его с женой, дали месяц на размышление.

В назначенный день Таисия вторично пришла в суд. Но по её испитому виду судьи поняли, что всё это время женщина прикладывалась к рюмке. У неё глаза были набрякшие, лицо опухшее. Свой несвежий вид она объяснила, что измучилась в ожидании судебного дня, поэтому выглядит такой усталой. Но, понимая своё нелёгкое положение, она бросила в лицо мужу, что наложит на себя руки, а он останется с двумя детьми. Его зазноба не выдержит испытания чужими чадами и убежит от него. Она хотела ему отомстить, Альберт же, опрятный, ухоженный, пока не обронил ни слова. Таисия же по его растерянному виду наивно думала, что её угроза на него подействовала. И она призывно ему заулыбалась, а он в досаде опустил глаза...

– Граждане судьи! – взволнованно заговорила Таисия. – Вы только послушайте, он хочет ко мне вернуться, но боится в этом вам признаться!

– Это неправда, Тая, разве ты не видишь, что уже спиваешься! – бросил он. – Лучше думай о детях. Как жаль, что я не могу их взять...

– А тебе они нужны? Тебе другая дороже их! Я не спиваюсь! Это ты меня вынуждаешь водкой боль заглушать... – отчаянно, надрывно выкрикнула.

Суд прервал выяснение отношений наших героев, понимая, что воссоединение супругов не состоялось. И пришёл к выводу, что спасти семью не удалось. К тому же, как объяснил Альберт, он живёт уже с другой семьёй. Суд посоветовал Таисии подать отдельный иск на удержание алиментов с бывшего супруга. Хотя тот искренне уверял, что будет добровольно помогать воспитывать детей бывшей жене...

* * *

После развода время убывало ещё стремительней, откладывая на некогда свежем молодом лице женщины, следы выпитых стаканов. Таисия спуталась с такими же, как и она, подругами, которые ещё раньше сошли с семейного круга. И теперь бесстыдно и похабно вольничали с чужими, впрочем, тоже брошенными жёнами мужиками.

И потянулись горькие дни одиночества. Подруги уверяли, что о подлом мужике нечего так убиваться, ещё встретит знатней. Однако Таисия уже мало надеялась, что с двумя детьми будет кому-то нужна; и в насмешку над собой мысленно прибавляла: «Как глоток чистой воды». Но она была уже не прежняя молодая, наивная, любящая и любимая, она яростно тянулась к спиртному и напивалась до потери сознания. В такие дни даже забывала о детях, предоставленных самим себе.

А где же её задушевная подруга Вера? Она вышла замуж позже и с мужем уехала, так как он был военным и с тех пор их пути-дороги, похоже, навсегда разошлись...

К тому времени Диане уже исполнилось шесть лет, она была не по возрасту развитая, крупная девочка, с длинными светло-русыми волосами. Соседка, дородная женщина по имени Фаина, видя, как девчушка возится с братом, возмущалась, стыдила Таисию, что та устраивала на глазах детей сборище пьяниц. Однажды тётка Фаня не выдержала и вызвала участкового...

После этого в квартире Таисии Крестовой несколько дней царил затишье. Она снова пошла на работу, предоставив там справку о мнимой болезни. Однажды к ней пришла одна пьяная пара с мужчиной, в шутку посватали её за него. Когда они остались одни, появился второй мужчина. И Диане пришлось увидеть, как они глумились над пьяной до бесчувствия матерью, наваливаясь по очереди на неё. А в другой раз, когда собралась компания и пела песни, некий лохматый верзила, с сигаретой в зубах, поднёс девочке рюмку с водкой. Диана полагала, что тот даёт ей лимонад. Но неприятный запах её насторожил, она загородилась от угощения рукой. А мужчина чуть ли не насильно влил ей горькую жидкость, которая как огнём обожгла губы, язык и горло. Она закашляла и заплакала. Мать оттолкнула от себя второго, который

пытался её целовать, и ковыляющей походкой подошла к дочери. Когда догадалась, почему мужчине стало весело, Таисия залепила ему пощёчину. А тот так озверел, что кулаком сшиб её на пол.

Диана увидела на лице матери кровь и страшно закричала. И оравшая песни пьяная компания враз притихла. Девочку стали успокаивать и ласкать. Но она отступала, нервно махала руками, чтобы к ней не приближались, и ещё громче плакала, визжала. А потом убежала в переднюю комнату. Здесь, на затоптанном полу, наткнулась на игравшего брата Ваню, который увидел плачущую сестру и прижался к ней, подняв вслед протяжный вопль.

Таисия, шатаясь, подошла к детям, наклонилась к ним, еле держась на ногах, желая как-то успокоить дочь и сына. Однако вид разбитой кровоточащей губы матери повергал Диану ещё в больший трепет и страх. И она в ужасе отмахивалась от неё, как от прокажённой, не выпуская из объятий брата, который кричал и плотней прижимался к сестре...

Когда уже ближе к полночи все гости ушли, Таисия лежала ничком на измятой постели, на которой недавно терзали её мужчины и безутешно плакала. Дети, утомлённые гамом пьяных людей, уже спали. Диана во сне видела, как мать громко стонала, а потом на неё против её воли наваливался мужчина и девочка плакала...

Наступали вечера, когда Таисию охватывала истерика, она выгоняла всех гостей. И со стола со звоном летели на пол тарелки, стаканы, вилки, бутылки. Мать без сил падала на стул, со всклокоченными волосами, обхватывала отчаянно руками свою голову, исторгала громкие рыдания, нагоняя на детей тот же страх, который они испытывали каждый день.

После этого мать не пила месяца два, отдала дочь в школу, стала с ней заниматься. Когда Таисия вдруг плакала, Диана пугалась, ещё не зная причины горя одинокой женщины. С того дня как покинул их отец, она помнила, как он обещал ей помогать воспитывать детей, но своего слова не сдержал. Жить становилось тяжелее, она подала на алименты, а получив первый перевод, купила детям одежду и обувь. На остальные деньги – продуктов и бутылку. И услышала плаксивый выкрик дочери:

– Зачем водку взяла?

– Доченька, это всё от горя. Не могу без него проклятого, – и залпом опрокинула стакан горькой, расплакалась. Диана, чуть сама не плача, успокаивала. Но слёзы у матери и дочери лились произвольно.

– Мама, мама, не надо долго плакать, а то Ваня боится...

И тогда Таисия поворачивала голову на голос дочери, лихорадочным, хмельным блеском глаз, как слепая простирала к ней руки, чтобы её крепко обнять. Она нащупывала девочку, порывисто прижимала к себе, и с новой силой причитала: то повышала, то понижала интонации:

– Доченька, милая, вот до чего довёл нас твой проклятый отец! Разве я этого хотела содома, разве я об этом мечтала? О, господи, прости меня окаянную! – и она вытягивала руку на угол, где висела икона Богоматери, будто призывала ту в свидетели.

После этого наступали дни отрезвления. Таисия усердней прежнего бралась за работу: мыла, чистила квартиру, приводила её в надлежащий порядок. Из детсада, где работала поваром, её уволили, и теперь убирала в магазине. Но зарплаты уборщицы и алиментов не хватало, чтобы в достатке кормить и одевать двоих детей. Да и самой хотелось выглядеть прилично.

Раза два Таисия сходилась со случайными мужчинами, но, кроме пьянства, у неё ничего с ними не выходило. Правда, однажды встретила серьёзного, прожила с ним в трезвости несколько месяцев. И какие это были дни! Думала, к старому больше не вернётся. Отчасти он знал её историю. Но он ушёл, когда увидел её на улице с другим мужчиной. И как она ни уверяла, что встретила его случайно, что между ними ничего больше нет, он не поверил. Хотя Таисии казалось, что он бросил её вовсе не из-за этого, просто его отпугнули её дети. А ведь как она убеждала сожителя, дескать, всё у них изменится, если он всегда будет с ней. Однако

пустыми обещаниями она уже не внушала ему доверия и полагала, что он наслушался от соседей о ней разных сплетен. И ей ничего не оставалось, как опять искать утешение в вине...

И новые загулы привели бедную женщину к тому, что уже нельзя было закрывать на неё глаза. И наступил день, когда её лишили материнских прав, а саму отправили на принудительное лечение...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...Кражи в детдоме в порядке вещей. У Шуры Брыкиной пропала библиотечная книга, воспитатели стали доискиваться и обнаружили злополучную пропажу в тумбочке Дианы.

– Где Крестова? Кто видел Крестову? – спрашивала суровым тоном старшая воспитательница Роза Викторовна Кротова, ещё очень моложавая средних лет женщина.

– А к ней мать приходила. Наверно, она во дворе, – ответила Луиза Дубинина, кровать которой стояла по соседству с кроватью Крестовой.

– Луиза, сбегай живо и пришли её ко мне! – резким тоном приказала Кротова.

– Ещё чего, что я крайняя? Пошлите Шуру, это её книга, – неожиданно отрезала та, хотя редко прекословила старшим, умея с ними ладить, чего ни от кого не скрывала.

– Как тебе не стыдно, Дубинина! От тебя я этого не ожидала! У кого ты перенимаешь этот дерзкий тон? Да, верно говорят, с кем поведёшься от того наберёшься! – констатировала Кротова и продолжала: – Если сейчас же мою просьбу не исполнишь, я велю перевести тебя в спальню к старшим девочкам, они быстро приучат к утерянной вежливости...

Луиза была полненькая, симпатичная с умными карими глазами. И она хорошо понимала, что ей грозило за непослушание, если будет проявлять упрямство. Однако Диану сколько раз переводили к старшим девочкам, и на неё это нисколько не влияло...

Но, слава богу, в этот момент Диана явилась сама. На всех девочках одинаковой простой расцветки вылинявшие платица, одного фасона туфельки. В детдоме подраставших красавиц никогда не баловали нарядами. В положенный срок всем поровну выдавали одинакового фасона и покроя обновы. И в такой жалкой почти однотонной одежде все воспитанники обоего пола производили безликое впечатление, впрочем, дети в казённом заведении иначе не воспринимались, а как только близнецы и близняшки.

– Итак, Крестова, ты понимаешь, что опустилась до гнусного воровства? – спросила Кротова вглядываясь в строптивую воспитанницу.

Диана, ещё не понимая, о чём идёт речь и в чём её вновь обвиняют, состроила удивлённую мину и загадочно молчала, разглядывая в руках у Кротовой книгу Гайдара «Школа мужества».

– Что вы имеете в виду, Роза Викторовна? – спросила недоумённо Диана. – Неужели есть ещё и не гнусное воровство? А я этого не знала? – насмешливо сказала она, чем немало смущала воспитательницу.

– А ты не передёргивай слова, не видишь, что я держу в руках и вытащила из твоей тумбочки? – воззрилась она возмущённо.

– Но прежде, чем так заявлять, вы докажите, что эту книгу я украла? – с язвительной улыбкой отрезала девочка.

– Посмотрите на неё, какая наглая и бесстыжая! Я только что при Луизе и Шуре, а также Натэлле Ивановне достала её из твоей тумбочки!

– Я нашла эту затрепашку в умывальнике, Роза Викторовна, – бросила Диана, с дерзким вызовом.

– Та-ак, – протянула она. – Луиза, позови Шуру Брыкину, я кому говорю? – как бы Дубинина была сейчас не покладиста перед воспитателями, однако она тоже читала неписанные правила детдома. Поэтому Кротовой пришлось повысить тон, чтобы упредить непослушание воспитанницы, и которая под угрозой наказания поплелась из спальни искать Брыкину.

«Значит, тут Шуры не было?» – между тем подумала Диана.

Пятиклассница Шура Брыкина, с рыжей чёлкой и обильными под глазами веснушками, робко вошла в чужую спальню. А следом за ней пожаловал директор Марусьев, плотный, несколько грузноватый, с выступавшим брюшком, бросив свои казённые дела.

– Нашли уже виновницу, Роза Викторовна?

– Да, Александр Александрович, вы как в воду глядели, Крестова... И вот стоит и нагло отпирается, голову нам морочит...

– Очень отвратительно с её стороны. Ведите Крестову и Брыкину в мой кабинет, – приказал решительно он.

В кабинете, загромождённом книжными шкафами, диваном и двумя канцелярскими столами, поставленными посередине буквой «Т», с застеленным дорогим ковром паркетным полом, было тихо и уединённо. Со стены, за спиной директора, высоко смотрело портретное изображение основателя учреждений для детей-сирот – Антона Макаренко, который, казалось, невольно думал о не всех воплощённых его педагогических мерах воздействия на непокорных и непослушных детей. «Не дали, не дали довести до ума педагогическую практику, хоть ты, Сан Саныч, что-то сделай. Но сумеешь ли, как я?» – кажется, говорил директору корифей педагогической мысли. Хотя сейчас ему было не до этого.

Шуру и Диану директор Марусьев усадил на диван, а сам оседлал перед ними мягкий стул. Кротовой он предложил сесть где-то позади себя, хотя в душе желал, чтобы беседа с воспитанницами состоялась исключительно наедине. Так бы он и сделал, если бы между ними не было личного нюанса отношений...

– Крестова, тебе известно, в кого ты превращаешься? – спросил Марусьев.

– Нет, в этом вся беда Александр Александрович. Диана думает, что мы к ней несправедливы, – вмешалась Кротова, на которую директор слегка недобро покосился. – А ещё она считает, что ничем не хуже нас с вами.

– Что-о? Это правда, Крестова? А может, дело в том, что мешаем привыкать к воровству, не так ли, Крестова?

– Мне известно одно: я расту! А когда вырасту, буду не хуже вас. Нет, даже лучше, потому что я знаю цену обидам и унижениям. А вы этого не знаете, и я всегда у вас в чём-то виновата. А это совсем не так, – отрезала она. – А вашу книгу я нашла в умывальнике и не успела объявить о находке, потому что... – тут она запнулась, ведь не хотелось говорить о тайном приходе к ней матери. Но и этого было достаточно, чтобы почувствовать в душе боль и раздражение.

– Ну, чего ты недоговариваешь? Или нечего сказать, так как факт деяния налицо! – проговорил директор самодовольно, забыв о её недавних словах.

– Шурочка, ты где читала книгу? – спросила Кротова.

– В комнате для приготовления уроков, – тихо проговорила та, с опущенной головой.

– Брыкина хорошая девочка, и я уверена – она говорит правду. И чтобы она делала с книгой в сыром умывальнике?

– Откуда я знаю, это вы у неё спросите! – вспылила Диана.

– Тогда зачем положила книгу в свою тумбочку? В таком случае, могла бы занести мне! – жёстко проговорила Кротова.

– Я не догадалась. Конечно, я бы всё равно её вернула. Такая скучная книжка мне не нужна и даром...

– Что ты такое говоришь, Диана? Эта книга лучшего детского писателя, – в испуге изумилась Кротова. – Тогда какие ты предпочитаешь книги?

– Наверно, про любовь, да? – цинично усмехнулся Марусьев, блеснув по-молодому серыми глазами, и с пониманием перехватил, направленный на него взгляд старшей воспитательницы.

Кротова, видно, этих окрашенных иронией слов директора не ожидала, так как слегка покраснела. Ведь перед ними как-никак были дети. Хотя Крестова уже строила из себя раннюю барышню. И ей вполне хватило бы ума уловить непристойную двусмысленность Марусьева, и он это тоже понимал.

– Положим, для тебя книга скучная, тогда зачем взяла? – снова повторила Кротова, глядя на Диану.

– Чтобы не намокла! – с вызовом бросила Диана, вскидывая голову, смеясь одними глазами. А её широкий рот тоже вытянулся в неприкрытую усмешку.

Однако Диане самой было интересно, отчего это вечно задумчивая Шурочка, известная, будто бы как, вообще не умеющая врать, стала вдруг говорить неправду?

И после нудного допроса директора, когда они вместе вышли из кабинета, Шурочка несколько растерянно утверждала, что она читала в комнате. Но потом ей приспичило в туалет, а когда вернулась к оставленной книге, то её уже там не было. И тут Брыкина осторожно боковым зрением посмотрела на Диану, дескать, не могла ли она сама исказить истину в свою пользу?

Так что история с книгой ни к чему не привела. Диана была уверена, что её кто-то подстроил, но кто была (или был) тот человек она не стала гадать...

* * *

...Переменчивая природа взглядов среди детей, особенно под влиянием обстоятельств, обычное дело. Если, к примеру, с утра ты был честен, то к вечеру во мнении окружающих вдруг становишься вором. Если в дружбе слыл надёжным товарищем, то произвести в предателя могли в два счёта.

Ипполит Ивашечкин приносил Диане абрикосы, черешню. И, принимая от названного брата угощения, она никогда не расспрашивала, откуда он притаскивал столько плодов и фруктов. Собственно, по соседству с детдомом, не считая его большого сада, почти во всю длинную улицу тянулся частный сектор. И у каждого тамошнего хозяина при усадьбе нарезана своя земля, отведённая некогда под сады. Так что детворе оставалось только не зевать, чем Ипполит и пользовался, состоя во главе своей компании подростков.

У Ивашечкина было много друзей не только в детдоме, он также знал с ребятами не одного городского квартала. Но до интересов и увлечений мальчишек Диане не было никакого дела. Зато она охотно принимала ухаживания Ипполита как брата, которому со временем одной дружбы с ней уже было недостаточно. И на правах главаря, он уже тогда поддерживал отношения, начатые ещё раньше не только с Полиной Крагиной, но и с Луизой Дубининой, и с Шурой Брыкиной.

Поскольку Ипполит верховодил оравой детдомовских пацанов, он приблизил к себе и её брата Ваню. Хотя поначалу Диане ничего плохого не виделось в этом общении мальчишек разного возраста. К тому же теперь Ваню вообще никто не мог тронуть и пальцем, поскольку даже старшие ребята почему-то безотчётно побаивались Ипполита.

Ещё до того дня, как он сблизился с Дианой, она не знала, что он благоволил к Луизе Дубининой. Но с обретением новой подружки, старую, разумеется, не оставил, а лишь отодвинул на вторую роль. Хотя до начала дружбы Поля и Дианы, многие детдомовские девчонки в нём прямо-таки души не чаяли. А с того дня, как он всё больше стал отдавать своё предпочтение новенькой, Луиза донельзя взревновала, как, впрочем, и Шура тоже. И как после этого Крестова не могла всё чаще вызывать у Луизы раздражение? Но ещё и тем, что с первого дня кровать Дианы стояла впритык к кровати соперницы. И, конечно, сблизиться тогда ещё не могли в силу разного положения, занимаемого в детдоме. Во-первых, Луиза, будучи небольшого роста, заметно пасовала перед рослой Дианой. А во-вторых, в школе они были нарочно разведены по разным классам, словно судьба не торопилась сдружить девочек. Они продолжали друг друга обзывать, приставшими к ним кличками: Диана окрестила Луизу Пышкой, а та в свой черёд погоняла её Жирафой. И вот с какого-то времени Луиза снова попала во внимание Ивашечкина, и с ним пропадала за пределами детдома, чего себе Диана ещё не позволяла.

Однажды Польш и Луиза увидели как голубые «Жигули» остановились перед баром. Из салона вышел грузный, толстый ни кто-нибудь, а сам директор детдома Александр Александрович Марусьев. Он обошёл машину, открыл дверцу, и вот показалась Кротова. Юной парочке пришлось спрятаться за круглую рекламную тумбу напротив гостиницы «Южная».

– Видала, куда они направились? – буркнул Польш.

– Это какое-то непонятное место: то ли кафе, то ли...

– Бар, там новый питейный уголок. Мне Белый говорил, в бильярд играют под деньги.

– А что тут такого, разве нельзя? – пожала плечами Луиза.

– Ты смотри, никому не вякай, кого мы с тобой видели...

– Ой, подумаешь, в... бар зашли наши... хи-ха, папа с мамой! – усмехнулась Луиза, поводя жеманно по-взрослому плечами.

– Смотри мне, не будь треплом!..

– Да ты сам не проболтайся Диане...

– Это ты так обо мне думаешь? – Польш ткнул её в бок кулаком.

– Ой, мне больно, пошутить нельзя.

Они пошли своей дорогой, думая каждый о своём...

* * *

...Диане не стоило труда смекнуть о том, зачем Польш брал с собой Луизу? Своё открытие она пока держала при себе, но однажды не выдержала и спросила:

– Что ты делаешь с Пышкой в городе? Разве тебе меня одной мало, Польш?

– Тебе ещё рано это знать... У меня такая роль, разве ты уже забыла – воспитатели придумали, – не совсем понятно объяснил Польш, тушуясь под взглядом девочки, в которую был тайно влюблён. – Сам Маруся одобряет, ему нравится, что помогаю наводить порядок...

– Кто тебе поверит, чтобы отпускали с девочкой в город? – отрезала недоверчиво Диана. – А Полина по тебе страдает... – резко засмеялась она.

– погоди, скоро придёт и твой черёд... – загадочно приговорил тот.

Но Диана ещё не могла доходить до всего того, что с таким тайным значением порой изрекал Ипполит. И она смущённая его словами промолчала, впервые растерянно посмотрела на Поля, инстинктивно чувствуя, что тот представлял для неё какую-то опасность.

По мере своего взросления Диана всё заметнее опережала своих сверстниц как физически, так и духовно. А от этого выглядела старше своих лет, чего конечно, девочка до конца ещё не понимала. Но зато была весьма довольна, что начинала выглядеть как вполне взрослая девушка. И потому любила крутиться перед зеркалом в умывальнике, рассматривая, как застиранное казённое платье облегалo растущую грудь, которая становилась предметом её гордости...

Ипполит рос физически развитым и крепким юношей. Он занимался спортом, усиленно тренировался боксом и бегом. А преобразование Дианы, которое происходило у всех воспитанников на глазах, разумеется, Поля тоже приятно волновало. Она была уже в пятом классе, тогда как Ипполит – в седьмом. Из школы в детдом они часто возвращались вместе, рассказывая друг другу о школьных событиях. Глядя со стороны на юную пару можно было подумать, что они ровесники.

После обеда, тайком от посторонних глаз он в первый раз привёл её к высокому кирпичному забору. Польш предложил побродить по городу, и Диана согласилась. Но для этого нужно было преодолеть двухметровую кирпичную стену. Она этого ещё не делала, и пока Польш объяснял, как они преодолевают это препятствие к свободе, они сидели в глубине двора, где росло несколько фруктовых деревьев. Диана не представляла: как можно перелезть через забор. А ведь именно этим путём Польш уводил детдомовских девочек к городским ребятам. Но для Поля в этом деле проблем не было. Он живо указал Диане на старую вишню, на которую

тот забрался как кошка, откуда скинул предусмотрительно сплетённую из верёвки лестницу. И Диана стала по ней неловко подниматься, что удалось проделать с чрезвычайным трудом. Поль стоял на толстом наклонном стволе, который уходил округлым ровным брусом в сторону забора. Он помог Диане залезть на дерево и снова поднял лестницу. А когда по стволу дерева прошли к забору, Поль укрепил канат, сбросив его вниз по кирпичной стене. И показал девочке, как надо спускаться, держась руками за верёвку, а ногами упираясь в забор. Наука очень простая, но требовала силы и сноровки. И с этим препятствием Диана справилась вполне удачно.

И вот они на асфальте, перед ними открывался тенистый, расходившийся аллеями в разные стороны парк, от самых аттракционов и до танцевальной площадки, с которой в вечера танцев доносилась эстрадная музыка.

Вот они прошли через весь парк, вышли с его боковой стороны, пересекли мощёную булыжником улицу и упёрлись, в давно некрашенные деревянные ворота. В тихом безлюдном дворе Поль коротко свистнул, и в форточку одного дома высунулась белобрысая голова парня. Он приветственно взмахнул рукой и вскоре вышел к гостям. Поль представил его Диане, назвавшегося Белым, потом он кивнул головой, чтобы они шли за ним к тому флигелю, который стоял почти в конце узкого двора.

Внутри флигеля было две комнаты, на окнах цветные занавески, на крашеном полу зелёные с бордовыми полосками дорожки, простая мебель, кровать в одной комнате и кровать в другой. Проём соединял комнаты, он закрывался из двух половинок створчатыми дверями.

Хозяин включил старый потрёпанный магнитофон, но играл он вполне исправно. Потом из стола достал стаканы, из кастрюльки на тарелку положил ломти тушёной рыбы, нарезал хлеба. И только после этого, открыв в полу ляду, он полез в подвал с кувшином. А когда появился обратно, держа стеклянную посудину, наполненную чем-то до краёв, Диана наивно спросила:

– Это что, компот? – разглядывая через толстое стекло кувшина, красноватого цвета жидкость рубинового оттенка.

– Да, почти, но ещё лучше! – ответил хозяин юношеским баском. – Ну что Поль, а Диана получше тех, – сказал вдруг Белый, окидывая высокомерным взглядом высокую девочку, у которой из-под платица уже что-то там бугрились. Притом она уже выросла из этого платица, оно высоко оголяло её стройные длинные ноги.

– Ну-ну, ты мне не пялся, никакой халявы, понял, Белый! – предупредил его Поль. – Учти, Диана будет только играть в карты.

– А когда проиграт?

– Не в счёт, голый васер не пройдёт. На кайф она тоже не пойдёт, я точно знаю...

– Поль, ещё посмотрим, кликну своих Маврушек. Через десять минут приведу, ждите!

Хозяин тотчас подхватился и быстро ушёл, закуривая на ходу. Пока он где-то пропадал, Диана допытывалась у Поля, что они тут будут делать и почему всегда ребята в разговоре прибегают к непонятным словам?

– Вспомни, я когда-то тебе обещал познакомить с друзьями. Вот увидишь то, что в книжках не прочитаешь...

– Ты хочешь, чтобы я пила это вино?

– Да какое это вино... так... кислюха!

– Допустим, но всё равно мне тут не нравится.

– Ладно, один раз можно, посмотрим и пойдём, – успокоил Поль.

Вот послышались со двора девичьи голоса, вот они входят. Диана увидела девушек в брюках, которые выглядели намного старше, чем она. Белый перезнакомил со всеми подругами и одним чернявым приятелем. Поль этих тоже знал.

Все уселись за стол, хозяин наливал в стаканы пузырившийся хмельной напиток. А потом почти разом все чокались и пили, девицы передёргивали плечами, кривились. Поль смачно причмокивал влажными губами и зазывно глядел на Диану, которая осмелев, взяла предложенный ей стакан и аккуратными глоточками отпивала кислицу, вино отдавало в придачу терпкой горечью. Нет, она ни за что бы не стала пить, если бы не девушки, которые умышленно подавали ей дурной пример. Впрочем, они почти на неё не обращали внимания, видя в ней для себя неровню, и ещё посмеивались, когда украдкой смотрели на Диану. Такое высокомерное к себе отношение она не могла снести, поэтому решила показать, что она тоже может пить вино. Хотя стала пробовать в первый раз в своей жизни. Но оно оказалось таким невкусным, что Диана больше не притронулась...

Луиза Дубинина, от которой Поль вдруг переметнулся к Диане, в тот день обыскала весь детдом, чтобы убедиться в отсутствии «этой парочки». И не найдя их нигде, Луиза затаила непомерную злобу на Диану. А поскольку Дубинина отличалась повышенным честолюбием, то в соединении с ревностью к Полю, она почла себя оскорблённой. Ведь тот теперь отдавал предпочтение Диане. И это подтолкнуло Луизу распуścić о Крестовой порочащие её достоинство слухи, правда, пока среди девочек, что Крестова призналась Полю в любви, о чём она ей, Луизе, сама рассказала. И ей очень хотелось, чтобы её выдумка как можно быстрее дошла до воспитателей, а от них к Марусьеву, от которого Диане тогда не будет пощады. Но пока это произойдёт, она вдоволь натешится с Полем, ведь он так хорошо научился любить девочек. Ведь кто как не Луиза была в том заветном местечке, куда Ивашечкин теперь вытащил Диану. И вот Луиза вспомнила свой первый ранний грех, совершённый с Полем во флигеле у Белого. Однако как недурно тогда было всё обставлено, но как забавно и жутко всё началось! Поль классный мальчик: добрый, справедливый, в обиду Белому её не давал.

Ну, подумаешь, уже курил и пил вино, к чему её понемногу тоже приучал. Только одна мысль, что Поль давно знался с городскими ребятами, её это почему-то возвышало даже в собственных глазах.

Потом они несколько раз собирались у одного парня, играли в карты с изображениями нагих женщин и мужчин, которые занимались любовью. При виде этих картинок у неё в холодной оторопи захватывало дух. Для Луизы эта взрослая сторона жизни была уже отчасти известна. Ведь она с младых лет знала то, каким способом на свет появлялись дети. А тогда на картах она увидела совокупление, то это её удивило тем, что пацаны, сдав карты в руки, об этом ей ни словом не намекнули. И даже своего отношения не выказали к тому, что так похабно было изображено на картах.

Сперва Луиза покраснела, а потом освоилась, сделав вид, что эти непристойности ей видеть вовсе не в диковинку. И потом сама играла в подкидного и, пребывая в азарте, отвлекалась от пошлых картинок. В компании было трое мальчишек старше её, и она единственная девчонка, но они поступали с ней точно с ровесницей. Её это тоже как-то не очень волновало. Но когда Белый возвестил, что пора уже поиграть под интерес, Луиза нервно заёрзала на стуле.

– Не бойся, пока будем только целоваться, – успокоил тогда её Поль.

Конечно, она была неважным игроком. Но старалась не проигрывать, чего ей не удавалось. Она оставалась один на один то с Полем, то с Белым. И оба после её проигрыша, при постороннем целовали прямо в губы...

И когда они с Полем уходили в детдом хмельные и счастливые, Луизе было интересно с помощью каната подниматься на верхотуру забора. Поль тогда оставался внизу. И оттуда ему было всё видно под её платьем, оно призывно развевалось на майском ветру. И поняв это, стоя на стене в ожидании его, она рукой придерживала подол платья. Но вот Поль в мгновение ока очутился рядом с ней, обнял за талию, и у неё как от дурмана закружилась голова. По дереву он карабкался первым, а за ним, держась за него, ползла она.

– Ты видела такие карты раньше? – спросил на земле Поль, глядя прямо в глаза Луизе.

– Нет, а что?

– Понравились? Ты бы так смогла, что на них показано?

– Ничего себе, за кого ты меня принимаешь, это так всё гадко показано, не могли сделать пристойней.

– А, да ты ещё не понимаешь...

– А твоя Диана уже всё знает? Она мне рассказывала о своей матке, как та спала с мужиками.

– Луиза, кончай называть её моей. Она может только говорить о любви, а на деле Диана ещё тёлка. Вот ты уже другое дело! Может, завтра у Белого попробуем, он оставит нас одних?

– Это надо обдумать, я боюсь одна...

– Тогда какой базар, завтра берём Шуру Брыкину.

– Да? А почему не Диану? – спросила насмешливо Луиза.

– Я же тебе сказал, она ещё совсем тёлка, а Шурой как-то интересовался Белый...

Это повторное объяснение Поля вполне отвечало честолюбию Луизы. Ведь Шура была весьма мягкой и податливой девочкой. С нею всегда можно было ладить с выгодой для себя...

И он был прав, Шуру уговаривать не пришлось. И тем же способом, что и накануне с Полем, они втроём выбрались из постылого детдома. У Белого для встречи девочек всё было припасено: и закуска, и сухое самодельное вино.

Девочки со страхом переглянулись, глядя на обоих кавалеров, которые вовсю курили сигареты и несколько свысока посматривали на своих подружек, дескать, как им глянулась начатая по-взрослому вечеринка? Вино – это чепуха, всего лишь приложение к ожидавшему впереди серьёзному испытанию подружек, для которого те были ещё не готовы ни нравственно, ни физически...

И вот они выпили кисло-сладкого вина, закусывали под каскад музыки из магнитофона. Затем началась игра в карты, с обговорёнными заранее условиями и Луиза жестом бывалой взяла в руки, розданные ей Полем карты. И с победной улыбкой озорной девчонки глянула на Шуру, которая рассматривала то, что её саму вчера так трепетно взволновало. И Шурочке эта сторона жизни была тоже не в новинку, она всегда манила своей недоступностью. Однако карты картами, но пить вино по второму разу девочки воздержались.

– По напёрсточку, малявки! – призывал Белый и подмигнул Полю, который взял стакан, чтобы показать юным подружкам, как надо опрокидывать одним глотком стаканчик вина, и стал закусывать сырыми яйцами.

– Ничтяк! – воскликнул Белый, самый старший в компании подростков. А девочки только вступали в переходный возраст. Впрочем, Луиза была года на два моложе Шуры. Но от подруги внешне мало чем отличалась, разве была чуть выше ростом. И как раз она первая взяла стакан, чтобы этим самым показать подруге своё преимущество!

– Давайте, крошки, покажите, что уже невесты и скоро сами почувствуете, как всем нам станет хорошо...

– Белый, не гони лошадей. Мне ещё назад надо их вернуть. А ты меня толкаешь на большой риск. Маруся учует запах, и тогда с меня башку снимет.

– Чепуха! Зато такой будет кайф у девочек! Что ты понимаешь, Поль. Они домой войдут через ворота, без твоей помощи. Я беру крошек на себя...

Что там было дальше можно не рассказывать, достаточно только заметить, что Луиза и Шура попав в разлагающую среду, слишком рано испытали то противоестественное, что должно было бы произойти в согласии с их чувствами при здоровых обстоятельствах. Но что удивительно они не очень сожалели о том, что вступили на опасную для их возраста дорожку. Хотя в этом толком ещё ничего не понимали. Но запретному было положено начало. И это случилось ещё до истории с книгой, найденной в тумбочке Дианы, ловко придуманной Луизой. Ведь это она подговорила Шуру оставить книгу в комнате для занятий, после чего Брыкина

предумышленно, впрочем, по наущению Луизы, ушла восвояси, тогда как маленькая интриганка, подгадав момент, когда Крестова направится в умывальник, отнесла туда книгу, зная прекрасно, как Диану точно магнитом тянуло к зеркалу.

А спустя время по договорённости с Луизой Шура заявила воспитательнице Кротовой о пропаже книги. И когда Роза Викторовна обыскивала девичью спальню, она нашла пропажу в тумбочке Крестовой. После проделанной комбинации, Луиза испытывала то блаженство, когда мщение своей заклятой сопернице было достигнуто...

Но историю с книгой уже никто не вспоминал, поскольку другие события наворачивались на судьбы детдомовцев. А в переходном возрасте, в какой вступала Диана и её сверстницы, весьма трудно проследить, как складывались межличностные отношения, чтобы размотать клубок противоречий, которым опутан каждый воспитанник и он влиял на их настроения.

Эти отношения то завязывались, то обрывались, то вновь возобновлялись, и в таких вариациях они могли повторяться бесконечное число раз. Хотя бы взять ту же Диану, которой сначала покровительствовал Поль. Он оберегал её и, как родной брат, не давал никому в обиду. Но потом вдруг отошёл от неё и переметнулся к Луизе, после чего Диана его упрекнула, что он с Дубининой и Брыкиной убегает в город, тогда как её, Диану, будто намеренно избегает.

Перед расцветающей красотой Крестовой Поль долго не мог устоять, её обиду он принял к сведению. И вот он оставил своих подружек, и на время опять сошёлся с Дианой. В общении с ней он даже забывал о блатных жаргонах, но особенно, когда заговаривал с Дианой о своём сокровенном. Причём она воспринимала Поля, как доброго мальчика, который стремился пробудить у неё интерес к запретному. А если он вновь строил из себя разбитного парня с грубыми манерами, Диана отказывалась его слушать.

– Разве ты не знаешь хороших слов, ведь так ругаются только конюхи и сапожники. Лучше почитай умную книжку, она выправит твой подзаборный язык! – высмеивала она Поля.

– Тоже мне нашлась кисельная барышня! – вспыхнул он.

– Ха-ха, что значит кисельная, Поль? Не смей людей, надо говорить кисейная! Есть такая прозрачная ткань.

– Какая разница, всё равно хочешь быть недотрогой?

– Я же не Снегурочка, которая боится солнца...

– Хорошо, проверю, жди команды!

– Какой? – засмеялась Диана.

– Хочешь узнать кайф!

– Нет, я этого не люблю и тебе не советую. Неужели ты такой испорченный?

– Учти, целоваться для меня уже мало. Ты подкати к Луизе, она тебя просветит...

– Да? А мне она не пример для подражания! Если в любви ты такой просвещённый, то без личного опыта не каждый способен на глупость.

– На трезвую голову, конечно, не получится. Вот твоя мать, думаешь, почему пьёт? Она кайф ловит!

– О ней лучше молчи, Поль! Если хочешь знать, её непутёвая жизнь вынудила. Я ненавижу твой жаргон, и если дорожишь моим уважением – меняйся.

– Ей просто что-то надо говорить в своё оправдание. Впрочем, надо уметь пить, а не квасить. И не учи меня как надо говорить. А твои книги разве научат, как надо жить. Ты сама говорила, что книги не совпадают с жизнью.

– Ну и что, они учат говорить и поступать правильно, учат умным отношениям, а для меня это главное. Но я чувствую, как ты нависаешь надо мной, как ястреб и пытаешься заклевать мою душу...

Этот разговор с Полем она не закончила, он говорил о каких-то тёмных делах, которые ей были чужды. Но она уже сама чувствовала, что он имел в виду. Её мать знакома с дном

жизни, и этот её опыт вызывал у неё страх. И теперь как бы предостерегал её от ошибок, чтобы не оказаться за опасной чертой.

Последний разговор с Полем внёс в её неокрепшую душу смятение. Он подготавливал её к принятию того мира, который окружал Диану в том месте, где подростки играли в карты и пили вино. Это была та явь, о которой она не читала. А если об этом ей не попадались книги, а только идейные, значит, она должна сама разобраться в том гадком, что происходит в жизни и отравляет детские и юные души.

Рано или поздно человек незаметно для себя переступает одну грань познания и переходит к более сложной. Вот такой гранью и явилась для Дианы та пока единственная вылазка в город, когда она очутилась в том самом флигеле. И первые глотки доморощенного вина обещанного удовольствия ей не доставили. А когда началась игра в карты, хмельные девушки раз за разом проигрывали, и за это снимали с себя по одной вещичке. Было видно, что к такому добровольному раздеванию им уже не привыкать, и сидели почти нагишом. Для Дианы же это показалось чудовишной дикостью. Конечно, девушки до конца всё белье не сняли, поскольку им также было важно отыграться, чтобы заново одеться. Естественно, эта процедура хорошо была разыграна хозяином флигеля специально для Дианы, о чём она тогда не догадалась. Но она даже и не подумала снять с себя платье, после того, как проиграла Полю, намеренно закидавшего её карты козырями. Да и сами карты с пошлыми изображениями двух особей у неё вызывали полное смятение чувств. Она украдкой от себя с непреодолимым любопытством рассматривала запечатлённые в её понимании грязные сцены мужчины и женщины. Эти картинки в разных вариациях ничего хорошего не внушали, кроме того, что все они как-то остро обжигали целомудренную душу, и между тем вызывали у неё известный искушённым людям интерес. А чтобы его в себе немедленно подавить, Диана закрыла глаза и вдруг разорвала пополам несколько карт, затем быстро встала и гордая пошла, она даже не опасалась, что сейчас за ней погонятся пацаны, которые корчили из себя блатных. Впрочем, она хотела одного, чтобы Поль вернул её и перед ней при всех извинился. Как он мог допустить такое её унижение, ведь не всем дано так легко раздеваться, да ещё при посторонних. Выходило, он не считал её своей девушкой, если был не против того, чтобы она при всех бесстыдно обнажалась.

Но Поль её и не думал догонять, конечно, он проведёт время с одной из девушек. Подумав так, она было хотела вернуться, чтобы не дать ему развлекаться, растлевать себя и её. Однако в последний момент благоразумие возобладало, и она вернулась в детдом украдкой, избегая встреч с воспитателями и другими работниками учреждения для сирот.

С этого дня Поль к Диане абсолютно охладел, такой поворот в отношениях, естественно, затронул девочку в самолюбии, хотя она ему и вида не подавала, что душевно привязалась к парню. Ведь она не чувствовала себя перед ним виноватой, это ему надо раскаиваться за грубость.

И примерно с этого времени с Дианой стали происходить странные и смешные истории. Так однажды под своей подушкой она обнаружила кусочки засохшего хлеба, а в другой раз в портфеле пригоршню камушков и при них записку злорадного содержания: «Жри, обжора»! А в тумбочке свёрток: в бумагу был завернут выметенный из спальни мусор. Она долго не гадала, кто это всё ей подстраивал, впрочем, пока не имела точного понятия о тех, кто ей гадил. Но тогда же для Дианы стало ясно, что такое безобразие ей могли подстроить те пацаны, над кем она насмеялась. А таких – насчитывалось немало. Ну не мог же ей это учинить Поль в отместку? И скоро Диана заметила, как он снова приблизил к себе Луизу, чем больно задевал её в самолюбии. Это его непостоянство Диану порой тайно бесило. Хотя ей было достаточно смекалки, чтобы понять то, какие отношения связывали Поля и Луизу. И для уяснения истины она выследила как Луиза и Шура промчались мимо беседки, в которой Диана читала книгу. Завидев подруг ещё издали, она присела, чтобы можно было наблюдать

за их дальнейшими действиями. Вот они скрылись в конце двора, где росло то самое дерево, на котором уже ждал своих девиц Поль. И потом с его помощью маленькие развратницы покинули пределы детдома.

Диана вполне могла о своём открытии доложить старшей воспитательнице. Но к доносителству она была не склонна, и у неё даже не возникло такой мысли, хотя она порой испытывала острый укол ревности и порыв злости, так как догадалась – Поль ищет вовсе не дружбу, а только сомнительные забавы с девицами. Оказывается, она была тоже ему нужна исключительно для развлечения, а поскольку на его требования она упорно не отвечала, он жестоко её бросил, как не подходящую ему вещь. А ведь Диану пугала вовсе не его склонность втягивать в нечто гадкое и пошлое (как на это легко поддавались Луиза и Шурочка), а та падкость мальчиков – собираться в компанию, чтобы курить травку, выпивать, слушать музыку и заниматься нехорошими делами. И при этом ребята впутывали в эти ранние для детей пороки девочек младшего возраста. Ведь в своё время на подобные сцены Диана изрядно насмотрелась у себя дома, в раннем детстве, когда мать собирала в квартире пьющих женщин и мужчин. С того времени к этому у девочки выработалось стойкое отвращение. Да и тут далеко не все старшие девчонки одобряли проделки Поля и откровенно избегали его дурного влияния и где-то уединились...

Известно, что Поль мог прикидываться и паинькой перед директором и воспитательницами, и разбитным перед детдомовскими и городскими сверстниками. И за то, что старшие девочки не слушались Поля, им перепало от директора за нарушение правил общежития, делаясь на группы, пренебрегая коллективом... Поля, за странные отношения с Марсуевым, многие воспитанники втайне ненавидели.

При встречах с названным братом Диана невольно опускала голову. И она не понимала, почему вдруг на неё нападала несвойственная ей робость. Поль тоже её не затрагивал, он проходил с невозмутимым видом. Теперь было ясно – она по-настоящему ему не нужна и, наверное, противна. Иногда Диане очень хотелось высказать Полю в глаза всё, что она о нём, непутёвом, думает.

И незадолго до отъезда детдома в лагерь отдыха и труда, она набралась смелости и посмотрела на Поля с холодным презрением, с таившейся в уголках губ дерзкой усмешкой. Это его как-то моментально отрезвило и вызвало в душе раздражение. Но вопреки этому, он не остановил строптивую девчонку, чтобы выразить ей своё недовольство. Хотя на это у него были неписанные права, как всеми признанного вожака, чем он из великодушия сполна ещё не воспользовался, словно кто-то его пока предостерегал от необдуманного поступка. К тому же у него в запасе был ещё один способ наказания гордой девчонки. Только стоило ему оповестить всех детдомовцев, чтобы оборвали с Дианой всякие отношения, как она тотчас ощутила насколько велико здесь его влияние...

Однако Поль был не совсем идиот, чтобы в душе не оценить тот поступок Дианы, когда она разорвала карты, не пойдя на поводу у него, выказав этим самым себя весьма незаурядной личностью. В сущности, Диана доказала, что она не такая, как их доступные для забав подружки. И одно время Полю просто было стыдно вступать с ней в общение после того его низкого в отношении её поступка. И он почувствовал тогда осязаемую разницу между собой и ею. А читая без усталости книги, она как бы подтверждала своё неуклонное стремление к повышению в себе культуры. Но как раз этим, она ему как бы говорила, дескать, ты уличный шалопай, а я вполне благонаправленная девица. Он панически боялся, чтобы Диана уходила из-под его влияния, и была бы во много раз лучше, чем он, Поль? Об этом у них как-то состоялся разговор, но он больше походил на его раскаяние. И потом вместо того, чтобы опомниться и оказывать на неё давление, он стал объяснять, насколько тогда был глуп, посмеив подвергнуть Диану такому гнусному испытанию. А Диана, видя, что он как будто раскаялся в содеянном, в свой

черёд поставила перед Полем условие: если хочет быть ей другом, то для начала ему необходимо оборвать связь с Луизой и Шурой...

Поистине, детская гордость ещё не столь устойчива, чтобы быть неизменной величиной. Да притом до конца ещё не прошла через обкатку жизнью, которую, впрочем, с достоинством выдерживают, к сожалению, далеко не все. Как бы там ни было, Диана всё-таки испытывала к Полю какие-то чувства, если довольно легко вступила в прежние с ним отношения, но только в предложенной ей роли сестры. Она даже непросто смягчила свою гордыню, она её умерила и сама не заметила, как это произошло и как пошла ему на уступки. И при удобном случае она вновь стала уединяться с Полем, разумеется, исключительно втайне от посторонних глаз и ушей. Они остерегались показываться вместе на людях и даже из школы ходили теперь порознь.

Воспоминания, о проведённом месяце в лагере близ моря, у них были разные, поскольку тогда они находились ещё в ссоре.

А когда Диане представилось вновь видеть Поля в окружении Луизы и Шуры, её охватывала буйная ревность, она гордо отворачивалась от изменника. И тут же пыталась убедить себя в том, что девочки стремятся снова переманить его на свою сторону. Хотя при встречах с Полем Диана говорила, что он бессовестно нарушает данную ей клятву. Но Поль умел превосходно выкручиваться и оправдываться.

– Гадом быть не хочу, я всё-таки стою во главе нашей дружной семьи и это моя заслуга. А без меня не один из детдома не выйдет в город. Маруся это знает и верит мне, а то бы я вас держал в кулаке. Хотя уже все говорят, что я ссучился без удержу... Но я тем говорунам языки поотрываю, заставлю заглохнуть... вот увидишь...

– Да это они из-за меня? Пусть сначала посмотрят на себя. Плохо, что ты сохраняешь своё лидерство, мне не нравятся твой командный гонор и этот босяцкий жаргон...

– Вот это ты зря. Если брошу следить за порядком, Маруся назначит на моё место другого пацана. Но он этого не сделает, потому что я не дам тому прохода... Кстати, ты бы послушала, что наши базарят о тебе! Но я скоро всем заткну рты, я обещаю...

– Зачем? Пусть! Я давно знаю, что меня никто не любит. И переубеждать никого не собираюсь. А ты знаешь, что у Луизы появился новый жених, она сама мне хвасталась, это чтобы я потом донесла тебе. Вот я исполнила её желание. И что ты будешь делать?

– Да рога тому обломаю. Но я в курсе, и посмотрю, что из этого выйдет, – важно произнёс Поль. – Чудихи пошли в раскрутку...

– Ты с такой гордостью это говоришь, будто они тебе надоели...

– Давай замнём, мне скучно о них базарить. Лучше что-нибудь скажи своё...

– Я мечтаю, чтобы скорей лето наступило, поедem в лагерь! И тогда я что-нибудь тоже себе позволю...

– Вот такой ты мне больше нравишься, я даже Марусю стал ненавидеть... Впрочем, есть за что, и, думаю, тебе тоже. Но я знаю о нём такое, что тебе и не снилось. А вообще, он всегда был с душком...

– Думаешь, я не догадываюсь, он на меня смотрит нехорошо. Аж мурашки бегут. И вот что хочу тебе сказать. Я не знаю, кому ты больше симпатизируешь: Луизе или Шуре, но учти: мне это совсем неинтересно. Помнишь, ты говорил, что без твоего ведома из детдома никто не выходит. А эти подружки продолжают убегать в город. И ты знаешь, до кого они там ходят?

– Давай, об этом не будем. Ты для меня больше значишь, чем они вместе. И вообще, смотри: о них никому не вякай...

– Ты лучше Луизу предупреди, а не меня... – самолюбиво отчеканила она.

– Ну, разве я тебе непонятно расщёлкал?... О ней больше ни слова, мне Кротова уже все уши ею продула...

Полю явно было известно о Луизе больше, чем ей, а то бы не затыкал ей рот. Неужели он оберегал её, Диану, от излишних знаний детдомовской жизни, которую руководство скрывало от глаз своих воспитанников и подавно – от посторонних? Но Диана уже кое-что подмечала сама, и свои наблюдения старалась держать при себе.

Как-то Поль намекнул ей, что кроме ушедшего Маруси, здесь можно узнать и то, через что рано или поздно проходят почти все... Кого и что он имел в виду, она не стала выяснять, хотя Поль избегал смотреть на неё. Но однажды в его взгляде таилось нечто неискреннее. Хотя он постоянно что-то скрывал от неё, чем только пробуждал у девочки любопытство.

И вот как-то раз он намекнул на то, что будто и вездесущий директор Марусьев не смог справиться с такими порядками, когда старшие главенствуют над младшими. Это явление создавало натянутые взаимоотношения, а то и подавление воли и грубое обращение, которое сложилось за многолетнюю историю детдома. Хотя с воровскими повадками некоторых детдомовцев борьба велась постоянно. И можно вполне уверенно сказать – она не приносила положительного результата. Разве что после выхода из детдома отъявленных заводил воровство на время прекращалось, или когда воспитанников отправляли в жёсткие учреждения для малолетних правонарушителей. Ведь в полной мере их нельзя называть рецидивистами. Хотя к такому типу преступников некоторые были психологически уже подготовлены, чтобы после смело вступить на воровской путь. И, пожалуй, ближе всех к ним стоял Ивашечкин. Этот подросток почти сознательно готовился к переходу в блатной мир. Впрочем, он уже одной ногой стоял там, а другую только занёс, как бы подразывая ею детдомовское руководство. Но вот на его пути встретилась Диана. С первых дней её пребывания в детдоме Поль несколько дней ходил как будто сам не свой, и это началось с того момента в столовой, когда впервые увидел Диану. Однако он не спешил, как мы помним, с ней тогда сблизиться, лишь наблюдал за девочкой со стороны, как с первых дней она сопротивлялась детдомовскому укладу. И первым, кто оскорбил Диану, как ни странно, был директор Марусьев, когда принудил её к обряду пострижения.

Вот тогда Ивашечкин и счёл, что теперь настал его черёд; он возьмёт Диану под своё крыло вожака и назовётся ей братом.

К тому времени порочная сущность директора детдома ему была пока неизвестна. Впрочем, по слухам старших товарищей, своих предшественников по карманному делу, которые уже вышли из детдома, он уже кое-что знал. И об этом он, конечно, никому не рассказывал. Только попробуй кому-то сказать, например, о близких отношениях Марусьева и Кротовой, как эта новость тотчас станет достоянием всего детдома. А спустя несколько лет не успел Поль вывести Диану в город, как многим девчонкам это стало уже известно. Но Ивашечкину долго не пришлось выяснять, от кого пошла гулять о них сплетня. Он резко поговорил с Луизой и Шурой, чтобы держали впредь языки за зубами. Хотя обе подруги, строя глазки, клялись, что ничего не знали, а теперь от него узнали. Однако Поль всё равно прибегнул к суровой угрозе, чтобы девицы, по выражению Поля, не высовывали свои длинные языки, не то они скоро забудут дорожку в город. Пока не будем говорить о том, что творилось в душах маленьких проказниц, так как скоро их тайна раскроется.

А пока вернёмся к объяснению тех причин, которые повлияли на формирование воровской психологии Ивашечкина. Во-первых, его отец был рецидивист, во-вторых, необходимо затронуть уклад детдома, которым управлял Александр Александрович Марусьев, в своё время он охотно принял подсказку старшей воспитательницы Кротовой. Речь тогда зашла о разветвлённости его помощников из среды самих воспитанников, и они не хуже воспитателей поддерживали порядок, который сложился за многолетнюю практику. Однако для нашей истории его персоналий можно не касаться. Достаточно одного Марусьева, ведь обо всём коллективе судят по его руководителю. А портрет последнего был уже представлен, но ещё не настолько полно, чтобы о нём можно было судить как о цельном человеке с плюсами и минусами...

Хотя Марусьев, как бывший прораб, на стройке находил подход к бывшим выпускникам технических училищ и они быстро становились мастерами своего дела, то теперь он ничего выдающегося собой не представлял. Он даже не имел специального педагогического образования, у него был диплом строителя. Но разве дело состояло только в этом, ведь можно насчитать сколько угодно случаев, когда во главе воспитательных учреждений стояли дипломированные педагоги, но их весьма трудно отнести к одарённым, и очень легко причислить к людям, которые занимают не своё место...

И можно точно сказать, чем безнравственной руководитель, тем безнравственной созданная им обстановка. А что же тогда происходит с коллективом педагогов, неужели у него отсутствует своя нравственная позиция? Ответ может быть и самым неожиданным, или просто банальным, они потому и молчали, что боялись потерять работу. Вот и складывалось впечатление, что они были подчинены руководителю и поступали по его указке и оттого добровольно лишились своего мнения? Хотя наверняка среди всего коллектива найдутся просто, скажем, непримиримые люди, которые вполне могут противостоять нездоровой атмосфере. Но они на это не идут сознательно, потому что боятся остаться в изоляции. Ведь директора поддерживали наверху. Да, это так, честные и порядочные люди есть в каждом коллективе. Но беда их всех в том, что они работают молча, только служа своему долгу. Ведь какое бы ни было начальство, а с ним не поспоришь. К тому же следует учесть, что долгие годы общество жило в атмосфере тотального страха. Поэтому самым приемлемым, самым выживаемым стилем поведения для многих заурядных и незаурядных людей, являлась высокая приспособляемость и мимикрия. Это явление пронизывало все слои общества сверху донизу. А что тогда говорить о маленьких детских душах, поставленных в самые беспомощные условия, когда они изо дня в день наблюдают, как их немилосердно обкрадывают и духовно, и материально. Между прочим, обе эти категории на весах нравственности уравновешены. И какая из них должна перетягивать, или идти в ногу с жизнями детей до конца ещё неизвестно. Но ясно одно: когда в детдоме среди персонала царит атмосфера воровства, она непосредственно захватывает судьбы детей. Наверно, в таких условиях духовное воспитание не будет иметь полноценного успеха. Ведь в понятие духовное также входит стремление к добру, а поскольку дети видят вокруг картину, что в поступках взрослых расходится с тем, чему они их учили, то все их благие намерения сравнимы разве что с паром или дымом. Энергия их фиктивного тепла, в конечном счёте, рассеивалась теми пороками, какие в себе заключали некоторые воспитатели. Например, голубого цвета «Жигули» Марусьева для детдомовской детворы являлись как бы визитной карточкой, которая характеризовала нравственность директора. А всякое воровство прикрывается банальной истиной, которая гласит: автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Хотя применительно к не столь высокому окладу директора детдома она звучала чистейшей ложью. Да и всё, чтобы этот человек не произносил касательно воспитания новой гармоничной личности, здравым умом не воспринималось...

Вот поэтому из уст того же Ивашечкина оценка Марусьева была продиктована не разнужданностью Ипполита, а по-своему его верным восприятием директора. Ведь Ипполит недаром говорил, что он стоял во главе детдомовского сообщества с благословения самого Марусьева. В своё время директор безошибочно усмотрел в парнишке будущего лидера детдомовской шпаны. И ему предложил своё сотрудничество по поддержанию внутреннего распорядка, за что он, Ивашечкин, отныне будет им, Марусьевым, отмечаем отдельным распоряжением по детдому.

В поддержание распорядка входил главный пункт – это вовремя докладывать ему, Марусьеву, обо всех тайных происшествиях, обо всех рассуждениях подростков о нём, директоре, кто оговаривал его репутацию. Для успешной работы с воспитанниками Марусьев рекомендовал Ивашечкину создать свою «агентурную сеть», которая бы ему поставляла наиболее верную информацию о воспитанниках. В свой черёд Ипполит должен был передавать её дирек-

тору. Но поскольку Ивашечкин понимал, что своих товарищей предавать подло, он только пообещал Марусьеву поддерживать детдомовские порядки.

Дружба Ипполита с Дианой продолжалась уже второй год и второе лето всем детдомом выезжали на море в лагерь труда и отдыха. Они работали по три часа в день по сбору яблок и винограда, а после купались, загорали, любовались местными достопримечательностями. И казалось, в их жизни больше не предвидится лучших дней.

Но вот пробежал учебный год, и Диану снова ожидало море, и они с Ипполитом будут вместе. Только досадно, что это не могли делать открыто, у всех на виду. Когда учишься с увлечением, время летит незаметно. Диана слыла острой на язык и сообразительной девушкой и уже шагнула, как она шутила, из детства, минуя отрочество, прямо в юность. Никто бы не подумал, что она перешла только в седьмой класс, недаром на переменах возле неё без конца уживались старшеклассники, которым после общения с Дианой всегда приходилось иметь дело с Ивашечкиным. Но так выходило, что и после уроков они, бывало, не унимались, догоняли Диану, совали ей записки, в которых признавались в любви, назначали свидания, и от всего этого у девушки на весеннем тёплом ветру приятно кружилась голова. Хотя во многих случаях их признания она подвергала жестокому осмеянию и рвала записки, поскольку рядом с ней шагал Ивашечкин, который всякий раз вспыхивал, упрекая девушку в нелепом озорстве, а её поклонники по-боксёрски были после нокаутированы. Его бесило то, что эти пижоны от неё не отставали даже при нём...

Что же касалось Дианы, то когда рядом не было Поля, ей ничего не стоило вдоволь пококетничать, выслушать очередного воздыхателя, озорно посмеяться, а потом выпалить:

– Ха-ха! Опоздал, мой дорогой, Ромео, я уже скоро замуж выйду!

– Ты? Не шути! – тот в оторопи и в растерянности округливал глаза.

– Да, да, я не шучу. Так что лети пёрышком дальше, ха-ха! – Диана ловко отклонялась назад, спина при этом её то выгибалась, то тут же выпрямлялась.

– А ты ещё школу не закончила, – нашёлся парень, который был рослый, как и она, и превосходил внешностью самого Поля.

– Ничего, я беременна, меня с ним распишут... – смело отвечала, и смеялась глазами и губами, получая от этого удовольствие.

– И за кого, не за того ли, фулюгана, от которого вся школа стонет? – небрежно выкрикивал парень.

– Зато от тебя не стонет, и что в этом хорошего?!

– Вот ты какая, а я и не знал. Прав наш классный руководитель, когда сказал, что красивые девушки любят фулюганов...

– Ты бы книжки почитал, чтобы правильно слова произносить.

– А я так нарочно... и что ты в нём нашла?

– Тебе этого никогда не узнать, мой, Ромео!

– Но какая из тебя Джульетта, если... с этим гуляешь? – усмехнулся он.

– Давай мне не указывай, я пошла, а ты забудь ко мне дорогу.

И вот так всем другим своим поклонникам она не оставляла никакой надежды, разве что иногда тешила своё самолюбие желанием воочию услышать неуклюжее признание своего нового воздыхателя. А если подобные выходки Дианы доходили до Ипполита, естественно, он не молчал, грозясь кого-нибудь отшить от неё навсегда.

– Поль, что ты злишься, мне все ухажеры абсолютно безразличны. Просто потешно было выслушивать тот вздор, какой они порой несут.

– Ничего подобного, когда ты с ним точила лясы, твоя макушка светилась как солнце. Я когда-нибудь точно кого-то приколю! – свирепо как-то выпалил Поль.

– А ты что подсматривал? Ой, милый Поль, как это некрасиво.

– Не думай, у меня друзей сколь хошь... не укроешься от меня... и зубки мне не скаль...

– Ну, кто так говорит, Поль, ты же не в деревне рос? – улыбнулась многозначительно она.

– А ты мне зубы не заговаривай. Я этого не люблю, это ты хорошо запомни.

И вот, учитывая пылкий нрав Ипполита, в другой раз Диана пускала в ход колкую насмешку, чтобы навсегда отваживать от себя очередного ухажёра.

– Ты посмотри на себя: какой ты ещё маленький, хотя учишься в восьмом классе. Вот когда подрастёшь, тогда я посмотрю...

А иногда превозмогало любопытство, кто из кавалеров будет изъясняться красноречивее. Однако в этом искусстве по-настоящему мало кто преуспевал.

– Господи, хотя бы книжек почитал, – с горечью замечала она. – Сначала научись говорить, а потом объясняйся в любви.

Однако со временем кавалеры от неё отшатнулись. Да и Поль всё-таки своего добился, утверждая своё лидерство на кулаках, и все стали его бояться. И впоследствии городские ребята из домашних к Диане стали относиться уважительно и даже с долей почитания, считая её неприкосновенной. А некоторые принимали её за сестру признанного среди пацанов авторитета. И всех детдомовских Диана иначе и не могла воспринимать, а как только за своих многочисленных братьев, общение с которыми, кроме скуки, у неё ничего не вызывало...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

И подходило время, когда Диане хотелось испытать настоящие любовные чувства, так как имела о них пока смутное представление. Иногда одним своим присутствием Поль вызывал у неё всё новые, ещё неизведанные ощущения. Но как только переходил на свои обычные грубые манеры обращения с девушками, этим самым он вызывал у неё протест и недовольство. Она пыталась ему объяснить его просчёты, однако продолжать дальше не давало стеснение, да и Поль мог истолковать её желание любви, как желание интимных отношений.

Когда в палаточном лагере, расположенном вблизи моря, мальчишки показывали девушкам фотографии обнажённых женщин и мужчин, Диана воспринимала это уже вполне терпимо. Она не поддавалась на такие провокации и даже обзывала пацанов пошляками. Но и Луиза и Шура тоже смотрели на безобразные фотки так, будто для них это уже не представляло никакого интереса. Разве что повергал в смятение младших, которые ещё не переступили рамки приличия, но и они озорно посмеивались и переводили глаза то на Луизу, то на Шуру, будто эти девушки и были изображены на этих снимках...

Однако среди девочек детдома к Диане почему-то поддерживался особенный интерес, который за последнее время даже приумножился. Её считали сведущей во всём, и даже в том, что касалось любви, точно она воплощала образец девушки, созданной исключительно для этого. И её вообще стали относить к самым распущенным, считали, что она стоит, чуть ли ни на грани полного растления. Во многом этому способствовали и рассказы Луизы, которая первая позаботилась набросить на Диану тень гулящей девицы. И в той же мере на неё одинаково падала и тень её пьющей и гулящей матери, дурная слава которой отравляла ей жизнь. И она никого не хотела видеть, в том числе и Поля, которому очень манилось её совратить. Но если бы она узнала, какого были мнения о ней старшеклассницы, Диана не шутку бы рассердилась. Ведь ей думалось, что они смотрели на неё не больше, чем на невинную перво-классницу, для которой запретный плод только в стадии завязи... Но и о своих сверстниках, они были не в восхищении, отзываясь о них, как о слабо подготовленных для любви юношах. Поэтому в поле зрения этих девушек чаще всего попадали молодые мужчины с достаточным опытом...

Нет, запретного к шестому классу у неё ни с кем не произошло. Однажды она случайно подслушала разговор больших девочек, которые, выходило, уже больше чем дружили с большими мальчиками. Это её так поразило, что отказывалась это понимать, зачем они это делали. А спустя день или два она услышала, как одна девчонка высмеивала какого-то пацана за то, что тот не умел целоваться. Девочки увидели Диану и прогнали её, пригрозив, чтобы держала язык за зубами.

Но юная девушка не представляла, как это можно было очутиться совершенно голой в объятиях человека другого пола? И хоть она выглядела старше своих лет года на три, ей было неприятно слышать, когда её насмешливо называли «скороспелкой», так как всё у неё уже обрело почти законченные формы.

«Пусть завидуют», думала не без смеха Диана. Она даже ростом превосходила девушек-старшеклассниц. Ведь у неё были налитые груди, стройная при походке манерно раскачивающаяся изящная фигура. И сама она в первые месяцы своего созревания с удивлением, моясь в душе, себя рассматривала. И её охватывала оторопь при мысли, что всё это должен когда-то увидеть мужчина?

И только Полю в последнее лето перед выпуском из детдома она уже кое-что позволяла. В тот день незаметно ото всех они углубились в горный лес, взобрались по зигзагам тенистых лесных тропок к почти голубому поднебесью, зависшему над ними прозрачным воздухом, ароматами свежих трав и цветов, влажным дыханием моря и водорослей. Они облюбовали уди-

нённую, освещённую ярким солнцем зелёную поляну, расстелили на прохладной зелёной траве байковое одеяло. А потом Поль разделся до синих плавок, изрядно покрытый южным загаром. Диана живо сняла платье, под которым её налитые формы тела обтягивал цветной купальник.

Где-то внизу плавно и призывно шипело море, в густом лесном орешнике напевали птички, а в траве потрескивали кузнечики, над головой раскинулась чистейшая небесная лазурь, которая уходила в сторону необъятного моря, и сливалась с ним далеко-далеко за горизонтом с иссиня-зеленоватым маревом...

Вот Ипполит целовал её в горячие губы, вот втягивал их в себя, словно два лепестка розы. И сначала осторожно прикоснулся к её телу, затем сильно прижался к её ногам, и она ощущала его мужское накаченное тело. И девушку охватывал страх. Поль же так завёлся, что с трудом управлял собой, от его дерзкого поступка она чуть было не утратила присутствие духа. В тот момент девушка почувствовала, как его рука шарилась там, где не полагалось. И вместо готового сорваться возмущения, она испытала сладкую истому. И она чуть было не потеряла бдительность, когда Поль нащёпывал прямо в ухо признание в любви. Диана испытывала несказанное блаженство. Но в ответ на его смелые действия, она отчаянно замотала головой, чуть ли не плача, умоляла Поля оставить её в покое, став его отталкивать от себя, поскольку страх вновь, как молния, пронзил всё её существо.

– Извини, Поль, но мы так не договаривались! – переведя дыхание, чуть придя в себя, проговорила Диана, быстро натягивая, спущенные им до щиколоток плавки. Когда она случайно глянула на него, её лицо мгновенно зарделось краской стыда. Она опустила глаза, почувствовав как в стеснённой от пережитого волнения, груди отдавались частые удары сердца, которые затрудняли дыхание. И она тоскливо закрыла глаза, потом легла ничком, обхватив руками голову, с распущенными по плечам светло-русыми волосами.

Ипполит чувствовал себя обиженным её упрямством, а ведь был близок к заветному желанию. Но Диана быстро усмирила его страсть. А ему только оставалось бросить:

– А чего ты строишь из себя?..

– Как ты смеешь так говорить! Учти, я не твои подружки... Спасибо скажи, что я провожу с тобой время.

Ипполит любил всегда добиваться желаемого, она же напрочь лишила его удовольствия, чем он сейчас втайне мучился.

– Что ты испугалась? А может, ты меня не любишь? – спросил Поль развязным тоном, затягиваясь сигаретой.

– А ты только и ждёшь, чтобы я тебе это доказала! Но тебе безразлично, что обо мне будут думать?

– Ошибаешься, о тебе уже ходят дурные толки...

Диана приподняла от руки голову, коротко взглянула на Поля, который щурил глаза от яркого солнца.

– Я знаю, это старается Луиза! – нервно усмехнулась Диана, болтая головой, отчего заколыхались густые длинные волосы. – А ты я вижу, даже доволен, что ходит этот слух?

– Да ладно, что она, что ты такие умницы! – уклонился он от прямого ответа и быстро привёл себя в порядок: – А ты ещё об этом дне пожалеешь...

– Может, пожалею, а может, и нет. Зато не буду жалеть, когда выйду замуж и ни за что не повторю судьбу матери...

– Тогда в чём дело, иди ко мне, больше не буду наглеть... А то бы стали законными супругами.

– Не выдумывай. Тебе легко говорить! Что ты потом обо мне скажешь? Я же тебе не Шура и не Луиза. Конечно, ты можешь хвалиться опытом, но меня он не интересует...

– А хорошо, если тебя ни за что склоняют? Впрочем, наверно, есть за что, только я один не знаю? – сдвинул он брови к глазам.

– Тогда мне сказать больше нечего, а ещё хвастаешься, что ты обо всех знаешь буквально всё? – напомнила она. – Если хочешь, я тоже скажу... что о себе распускаю только любовные были книжных героинь. Особенно мне нравится подразнить Кротову нарочно развязным поведением.

– А не лучше ли перейти к практике? – настаивал он.

– С тобой я готова хоть сейчас. Но для меня всё может кончиться хуже, чем есть теперь. Ведь мне только тринадцать лет, тогда как тебя скоро выпустят на волю...

– Понятно, ты мечтаешь сохраниться для сказочного принца? – злобно процедил Ипполит, обжигая девушку презрительным взглядом.

– А ты не смотри, как зверь выпущенный из клетки. Ни о каком принце я не мечтаю. Но если ты такой олух, тогда мне с тобой не о чем говорить! – с обидой и болью сорвалось с её губ.

– Ну, в чём тогда объясни? – потребовал он несколько виноватым тоном, не спуская с неё дерзкого взгляда.

– В моей судьбе, Поль! Моя мать любила отца, он взял её до свадьбы. А после свадьбы, вернее, спустя пять лет, когда он ездил в командировки, он спутался с другой бабой, а потом нас бросил...

– Ты хочешь, чтобы я взял тебя с собой, когда выйду из детдома?

– Просто всему, наверно, есть своё время? – несколько уклончиво пояснила она.

...Когда уходила от Ипполита в свою палатку, Диана только всего миг испытывала некоторое чувство сожаления, что побоялась ему уступить. И тогда бы о ней не зря ходили слухи, что так невыносимо рано потеряла невинность, и тогда бы не испытывала обиду. Но она так и не познала с любимым парнем таинственный миг любви. Хотя в глубине души она скоро уже об этом не жалела и даже гордилась, что устояла перед искушением...

А ведь Полю она была благодарна за то, что он столько лет её оберегал. И потому ещё не в силах была разобраться в своих к нему чувствах, любила ли она его только как брата, или как своего парня? Но как бы там ни было, после этого дня, она значительно повзрослела, поскольку для неё запретное чуть-чуть не стало явью. По сути, оно может войти в её юную жизнь в любой момент и наполнит всё её существо реальным ожиданием любви как праздника. На миг она даже представила, как должно это случиться. Вот в сознании мелькнул образ Поля, готового покорить её душу. И от одной этой мысли в груди сладостным восторгом забило сердце. Но тут же ей опять стало стыдно...

В тот вечер перед соседками по палатке она вела себя несколько загадочно, точно обладала некими тайнами сокровищ, которые превратят её юную натуру в счастливую сказку. Словом, странное поведение Дианы, искристость и лучезарность нарочито величавого взгляда, неестественная и необъяснимая приподнятость тона в разговорах, повышенная суетливость и безудержная болтливость невольно приковали к девушке пристальное внимание воспитателей.

– Натэлла Ивановна, объясните, что происходит с Крестовой? – спросила Кротова на следующее утро за завтраком.

– Похоже, как попробовала наркотик, – не то шутливо, не то серьёзно ответила Петухова, которая была сама ещё молода.

– Да вы что, только нам не хватало этой заразы! – неподдельно возмутилась Роза Викторовна. – Какая разнузданность в её поведении, для неё не существует приличия. Чем взрослеет, тем новые сюрпризы. Я не думаю, что это влияние морского воздуха. В этом есть что-то нечистое. Надо за Крестовой установить надзор, а то уже к нам зачастили местные лоботрясы; вчера двоих сама выпроводила, они беседовали с Луизой...

– Вы правы, Роза Викторовна, но Ивашечкин стал наоборот— подозрительно тихим, всё больше времени проводит в море. Вы заметили, он сторонится Крестовой. Неужели так море действовало, со дна он достал много поющих ракушек! – сказала с восхищением Петухова.

Когда Луиза Дубинина прохаживалась по лагерю с книгой в руках, она случайно услышала в открытое окно доносившийся разговор воспитательниц. Одно то, что они упоминали Поля и Диану, тотчас насторожило её слух, она осторожно подошла к окну, стала спиной к стене административного домика. Ей удалось подслушать, как между воспитателями снова зашла речь о проказах Дианы. Значит, кроме Ивашечкина, она также липнет и к местным парням? Но каким образом Крестовой удаётся так ловко всех обставить?

С возрастом Луиза перестала увлекаться Ивашечкиным. Причём теперь ей даже было стыдно вспоминать, как несколько лет назад Ипполит, со своим городским дружкой Белым, совратили её и Шуру Брыкину, тогда как Диана на уловки соблазнительей якобы не поддавалась. Но поняв, чем девочки занимались с ребятами, Диана почти открыто их высмеивала. Тогда Луиза пожаловалась Ипполиту, чтобы он расквитался за них с Крестовой. Однако вместо этого Ивашечкин не на шутку увлёкся Жирафой, а её, Луизу, оставил с носом. Это предательство Луиза не вытерпела, стала разносить по детдому слухи о Диане, как о самой грязной развратнице. Поль, конечно, догадался о её происках, и скоро последовало его резкое предупреждение, а если ей и Шуре не терпится забавляться, он даёт им вольную...

Естественно, с возрастом, превращаясь в девушку, Луиза тоже умнела. В своих увлечениях парнями она делалась степенней и на кого попало теперь не вешалась. Но к Диане Луиза по-прежнему испытывала враждебные чувства непримиримой соперницы. Даже со временем они не проходили, что недавно, при подслушанном разговоре воспитателей, незамедлительно подтвердилось.

Выследить Диану и Поля для пронырливой и гибкой на ум Луизы не составляло большого труда. С пляжа они уходили по очереди. Первой исчезала Диана, правда, перед тем как покинуть пляж, под видом головной боли она отпрашивалась у Кротовой, что пойдёт в палатку и там укроется от нестерпимой жары.

Шуре Брыкиной ею была дана команда – проверить местонахождение Дианы. И та довольная, удалилась. А этим временем Луиза с деревянного лежака наблюдала за передвижениями по берегу Поля. Вот он не спеша вошёл в воду, колыхнувшуюся могучими перекатами зеленоватых волн. Вот он уже поплыл резкими взмахами рук от волнореза к разбитому молу. Вот Поль для подводного плавания с головы опустил на лицо резиновую маску, став раз за разом нырять на глубину в поисках рапанов и крабов...

Вскоре Шура вернулась с известием, что Диана уединилась в палатке и лежит на кровати.

– Неужели у Жирафы есть, кроме Поля, кто-то ещё? – рассуждала вслух Луиза, и поглядывала за Ивашечкиным, чья голова то появлялась, то пропадала под водой.

– А ты посмотри, сколько на пляже чужих пацанов! – возбуждённо протарахтела Шура.

– Ну и что, это местные чуваки, будто ты ни к одному не убегала ночью! Многие наши девочки уже во всю крутят... Учти, подражают тебе. Но Жирафу ещё ни с одним не видела.

– А может, тебе? – обиделась та.

– Я ребят как перчатки не меняю.

– Ой, ой, у Дианы учишься?

– Она под надзором у Кротики. У меня своя голова, поняла? Это тебе надо ума набираться...

– Успею поумнеть, а пока не хочу... А Диана сегодня ко мне подходила. Кстати, вчера после обеда на пляже её почему-то не было. Я только сейчас об этом вспомнила.

В это время, где только что на воде нырял Ивашечкин, Луиза больше его не увидела, отчего даже привстала с лежака. А потом легко вскочила, став быстро оглядывать всё заполненное детворой сияющее на солнце побережье.

– Боже, он может, утонул? – в испуге разинула рот Шура, вертя головой вслед за движениями подруги.

– Только нам этого не хватало! Но пока шум не подымай, смотри в оба, а я побежала. Если спросят, я в туалете, – с этими словами Луиза проворно накинула на загорелые плечи пёстрый халат и в шлёпанцах побежала по раскалённому солнцем гравию...

В палатке, как того и следовало ожидать, Дианы уже не было. Луиза растерялась, её мучила досада из-за того что не удалось до конца выследить Кротову. И она спустилась в низину широкогорного, покрытого лесом, распадка, который почти сплошным диким лесным массивом расползлся во все стороны то крутыми, то плавными подъёмами и уходил до высокогорной выси, которая перешла в горную гряду и она громоздилась одна на другую. И вот тут, у самого подъёма на гору, Луиза услышала резкий шорох листвы, то явно бежал человек. Она спряталась за кустом орешника, мимо неё быстро прошелестел по траве, задевая корпусом тела ветки кустарников и деревьев, Ипполит, который был в одних плавках. Вскоре он скрылся в лесной чаще, а Луиза со страхом в душе пошла, осторожно ступая по его следу примятой травы...

Перед ней скоро открылась хорошо найденная тропинка, которая наискось поднималась в гору под густыми кущами сплошного леса, как бы разделяя его собой надвое. Пройдя более сотни шагов по горному подъёму, среди редких деревьев она увидела зелёную шелковистую поляну, которая пестрела цветами, и её обрамляли деревья и кусты орешника и оттуда доносились голоса любовников, и скоро увидела и саму парочку. Луиза надеялась лицезреть захватывающую картинку пылкой любви. Однако её ожидания были напрасны, так как, кроме обмена поцелуями, пока более ничего не последовало. Она злорадно улыбнулась, и, стараясь не шуметь ветками, попятилась осторожно назад.

И той же тропинкой спустилась к подножию лагеря. Она быстро нашла Кротову, и, воодушевлённая своим поступком «честной девушки», повела её к стану любовников, несколько не испытывая гадких чувств оттого, что стала доносицей. Впрочем, как мы помним, она это делала уже не впервые.

Опустим сцену поимки парочки и постараемся представить, как Луиза покинула Кротову, чтобы поделиться с Шурой об успешно законченной операции по разоблачению ненавистой парочки.

– Я забыла у тебя спросить, – начала Луиза. – Зачем к тебе подходила Диана?

– Она меня учила как вести себя с пацанами. Но я ей сказала, чтобы смотрела на себя...

– Вот как, может, она и меня станет учить? – злобно усмехнулась Луиза.

– Да ну её... Представляю, как ей сейчас приходится выкручиваться.

– Тебя это волнует, лучше молчи. Я тут ни при чём, Кротова сама их выследила.

Однако Шура была права в том, что началось секретное разбирательство всех обстоятельств тайного отлучения из лагеря юноши и девушки. Для Ипполита и Дианы в разной степени это дознание об их отношениях, явилось унижительным и оскорбительным. Воспитатели посягнули на их лучшие чувства. В их глазах Ипполит предстал совратителем малолетки, за что мог поплатиться. Но ни Кротова, ни Марусьев эту связь вряд ли разглашат. И вообще, если их послушать, в детдоме никогда не воровали, никогда не играли в карты, а девочки были примерного поведения. Даже Диана, которая стала в их глазах сорвиголовкой, и та теперь только для них, воспитателей, навсегда осталась девочкой без стыда и чести.

– Как вы посмели, негодники, скрыться от своих товарищей в лесной глухомани? – вещала свирепо Кротова. – Вы понимаете, что грубейшим образом нарушили распорядок труда и отдыха! От тебя, Ивашечкин, мы ждали совсем других действий. Не знаю, что мне теперь говорить директору. Ты подорвал его доверие, мы должны к тебе принять надлежащие меры...

– А он тут ни при чём! – с вызовом ответила Диана.

– А кто же? Выходит, это ты его за собой увела? – вытаращила глаза Кротова.

– Да, вы на себя поглядите, что вы делаете с директором? – почти выкрикнула она.

– Ах, негодница, ты знаешь, о чём говоришь? Мы с Александром Александровичем о тебе беспокоимся: что из тебя выйдет? И больше не смей так говорить! – покраснев, выпалила Кротова.

Она была так взволнована словами Крестовой, что теперь боялась не на шутку её дерзких выходок. И поручила помощнице придумать для неё и парня такое наказание, чтобы оно было поучительное для всех. А той для употребления своей власти только того и надо. Кротова посмотрела на Ивашечкина и увидела, как тот криво усмехался.

– Поль, если бы не директор, я бы давно тебя отправила куда следует...

– За что? Мы ничего плохого не сделали. И вообще, почему вы запрещаете дружить с девочкой?

– Вот с этой – не позволим! Я не буду объяснять...

С этого дня на всю неделю им было строго-настрого запрещено появляться на пляже. Диану отправили на кухню мыть посуду и чистить картошку. Ипполита после общественных работ на полях колхоза, запирали на несколько часов в складском помещении, они также опасались, как бы он не спутался с местной шпаной...

И Диане, и Полю, наконец, поставили весьма жёсткие условия. Если за эти дни они нарушат вынесенную им меру наказания, их незамедлительно переведут из детдома в исправительные учреждения...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Но и после приезда с тёплого прелестного юга – парочка, которой возбранялось бывать вместе, продолжала встречаться тайком. Поль и Диана мечтали о хорошей в будущем жизни, когда детдомовская реальность останется для них позади. И даже о том, как станут жить вместе, хотя до этого ещё было так далеко, что казалось, заветный миг желанной свободы никогда не наступит...

Ипполит по-прежнему убегал в город, о чём Диана узнавала позже. И при удобном случае она высказывала ему свои претензии: если уходит куда, то чтобы её предупреждал хотя бы о том, где будет находиться на тот случай, если все его кинутся искать. Однако на её замечания он лишь придурковато улыбался и любезно чмокал девушку в щёку, и тут же куда-то уходил...

А с какого-то времени при ней он вообще стал вести себя почему-то замкнуто, что было ему совсем несвойственно. Диана интересовалась: что случилось; но он не отвечал, и только неопределённо пожимал плечами. Диана видела, что он скрывал что-то и опять спрашивала.

– Да отстань ты, в натуре, что у меня не может быть плохое настроение?

– Поль, ты как-то говорил, что тебя направят учиться на строителя.

– Ну, да, говорил... И что из того?

– А тебе нравится эта профессия?

– Думаешь, я знаю, чего хочу?

– Вот и плохо, а надо точно знать...

– Не все, как ты, хотят стать врачихой, и будь довольна...

– А что в этом плохого, не понимаю?

– Да всё в ажуре, чего ты пристала... В мою душу лучше не суйся...

– А я думала, что мы должны всё знать друг о друге.

– Много хочешь, думаешь, все любят честных?

– А кого тогда должны любить: воров и пьяниц?

– Да ладно, не строй из себя паиньку...

– Я не строю, я такая, какая есть. Только все почему-то меня видят наоборот.

– Как это «наоборот»? Для всех ты озорнуха, а для меня... Ладно, не скажу, а то совсем зазнаешься. Да ты и сама на себя наговариваешь...

– И не говори, всё равно не узнаешь. Я просто весело играю во взрослую.

Диана больше уже никогда у Поля не спрашивала о том, где он берёт дорогие сигареты, за какие шиши покупает ей шоколадки, мороженое. Однажды принёс цепочку с медальоном, естественно, не золотую, а серебряную...

В начале сентября, учась в седьмом классе, печальное событие заставило Диану выключиться из привычного хода детдомовского существования. Брат Ванятка уже учился в четвёртом классе, и уже нахватался дурных привычек и повадок уличной шпаны. Впрочем, речь пока не об этом, а о том, как мальчика всколыхнуло известие о смерти матери, которая наступила от белой горячки...

Детей покойной Таисии Крестовой, разумеется, отпустили на похороны под присмотром воспитательницы Петуховой. Однако Диана плакала не столько от потери матери, а сколько за свою дальнейшую судьбу. Ещё при жизни мать для неё считалась как бы умершей; в гробу она казалась значительно моложе, чем в жизни. Это преображение Диану очень удивило. Смерть, как будто очистила её лицо, вечно обрюзгшее, от беспробудного пьянства, от всей скверны разврата, затянувшего мать, как в трясины. «Вот какая она настоящая, – думала печально, прозревая она. – Значит, правда, до скотского состояния её довела любовь к отцу?! Ну почему я этого раньше не понимала. А ведь я от неё не раз об этом слышала, но не придавала значения. Ах, какая я жестокая была!» – и Диане как никогда захотелось зарыдать.

Но слёзы только увлажнили глаза, просто она себя сдерживала перед Петуховой, отцом, соседями и её знакомыми, с которыми покойница пила. Они стояли такие жалкие, смиренные, потерянные и Диана их молчаливо жалела, правда, не допуская мысли, что их тоже похожие обстоятельства причастили к пьянству. Но об этом было так противно думать, что Диана убеждённо верила – с ней такое не произойдёт. «Ах, зачем ко мне приходят такие гнусные мысли! Я совсем не такая, у меня есть гордость, а у матери и её собутыльников – не было, вот они и скапались...».

Именно на похоронах родительницы Диана впервые через много лет увидела отца, на которого ей указала всё такая же свежая, румяная, полнотелая тётка Фаня. Отец был высокий, с густой тёмно-русой копной волос, в строгом чёрном костюме при галстуке, как важный, случайно попавший сюда господин. Его образ почему-то напоминал девушке авантюриста Дюруа из романа Мопассана «Милый друг», который она недавно прочитала...

Альберт Крестов мало чем изменился; он выглядел здоровым, ещё молодым преуспевающим мужчиной. Однако в его взгляде улавливалась затаённая грусть, видно, по дороге сюда он о многом передумал. И теперь с внутренним покаянием, с чувством своей вины поочерёдно смотрел то на дочь, то на сына. Во взгляде Дианы мужчина читал холодную непримиримую ненависть, отчего у него душа заныла, сердце защемило, как старая при плохой погоде рана. В душе дочери он оставался врагом, который отнял у матери право на семейное счастье, что бросило её в пучину пьянства, следствием которого стала её ранняя смерть. А самым бессмысленным грехом было то, что при живых родителях сделал своих детей сиротами.

Он подошёл к детям и попытался заговорить:

– Диана, ты прости меня за всё, если бы я знал, я бы вас не оставил...

– Да всё вы знали, уйдите, я не хочу вас видеть! – твёрдо сказала дочь и сама ушла от него, позвав брата Ваню, который жалостно-колючим взглядом смотрел то на отца, то на сестру.

Она и со стороны улавливала скорбь в его печальном искательном взгляде. Но для Дианы никакого разговора о жалости к отцу-предателю быть уже не могло. Альберт задумчиво склонил голову, его плечи несколько поникли, видно, он принял своё поражение заслуженно. И вообще, она и слышать не хотела ни о каком благополучии отца, которое, видимо, он как бы пытался передать ей всем своим щегольским видом...

...И всё-таки Альберт превозмог гордыню дочери, после похорон он снова заговорил с ней в присутствии брата Вани, который рассматривал отца с каким-то тайным восхищением. И Диана видела, как родитель волновался, сбивчиво оправдывался, что он только недавно узнал о нахождении детей в приюте. Конечно, Альберт врал и только из того побуждения, чтобы дочь немного смягчила жёсткое отношение к нему и приняла бы его раскаяния. И воспитательнице Петуховой он говорил несколько виноватым и сдержанным тоном о том, что у него новая семья, хорошая работа. И с этого дня он твёрдо обещал больше не забывать своих детей. Когда во время разговора с Петуховой, он мельком глянул на Диану, которая стояла чуть поодаль, он вдруг запнулся и покраснел...

Диане было горько выслушивать его бахвальство о том, как он всего добился сам. И он говорил об этом так возбуждённо, будто она должна была радоваться и гордиться за его достижения. А надо ли ей всё это выслушивать, когда по его вине она находилась в детдоме?! Но до него это вряд ли доходило, впрочем, как и то, что он сгубил жизнь матери, и ради своего благополучия пожертвовал своими детьми. Хотя было видно, что он не признавал своей вины...

И впрямь Альберт был далёк от понимания этого. Но тут воспитательницу Петухову кто-то позвал, и отец обратился к сыну. А Ваня, видя, что тот заговорил с ним и смотрит только на него, избегая осудительного взгляда сестры, был весьма доволен этим и охотно отвечал на его вопросы о том, всё ли необходимое для своего развития они получают в детдоме, и как к ним относятся воспитатели? Но простодушие брата, его словоохотливость, Диану выводили

из себя, и она без конца дёргала его за руку. Ваня же, полный недоумения, робко смотрел на сестру.

Альберт стоял ближе к сыну, поглаживал его по русоволосой головке так, словно успокаивал и поощрял быть с ним и впредь таким же откровенным. Конечно, отец не мог не чувствовать клокотавшую в душе дочери ненависть, но за это не имел права на неё обижаться. И в то же время на его холёном лице читалось недовольство за то, что Диана старалась внушить брату отвращение к нему, какое она сейчас испытывала к виновнику смерти матери и беглецу. Ведь дочь была старшая и ещё хорошо помнила ту далёкую пору, когда он уходил из семьи с чемоданом.

Поговорив с детьми после похорон бывшей жены, Альберт также побеседовал со старшей воспитательницей Кротовой.

Диане казалось, эта беседа длилась невыносимо долго. Но о чём там между ними шёл разговор, она могла только догадываться. Прежде всего, ей думалось, что Роза Викторовна описала отцу все её порочные наклонности, которыми, по их представлениям, зашла уже далеко. Да и о Ване отец тоже ничего хорошего не мог слышать. И не потому, что детдомовские вожаки, вроде Поля, приучали его к куреву и воровству, готовя из него наследника дурных традиций, которые сложились за годы существования детдома, поскольку в практике воспитателей, кроме как отругать, наказать провинившегося воспитанника, другого подхода к нему почему-то не было...

Через несколько дней после похорон матери Диана снова увидела отца в детдоме. А поскольку она с ним общаться отказывалась, он передавал гостинцы детям через воспитательницу.

Потом от младших девочек она узнала, что отец побывал в кабинете Марусьева и скоро уехал.

Но оказалось, не навсегда, так как его визиты в детдом стали повторяться. И, как позже выяснилось, с помощью директора, отец оформлял усыновление брата, которое им вскоре было исполнено. Диане это стало известно, разумеется, не сразу. Однажды Ваня прибежал к сестре с радостной вестью:

– Дианка, а меня отец скоро увезёт! Он мне так сказал. А потом мы обязательно приедем за тобой...

– Я так и знала, и ты ему поверил? – обречённо обронила Диана. – Пойми, мы давно им выброшены из памяти, и как тебе этого не понять!

– Но это было давно, а теперь он стал хорошим, не надо на него долго злиться.

– Конечно, он тебя возьмёт, а меня – нет! Но я бы всё равно не поехала, лучше умереть, а к нему ногой не ступлю. Я поняла, что наша мать погибла только из-за него, а тебе не говорила. Как ты легко перед ним развесил уши!

– Да нет, тебе это только так кажется...

– Ваня, отец давно мать разлюбил, а теперь и ты идёшь по его пути. Я тебе тоже не нужна? – грустно проговорила она.

– Что ты, что ты! Забыла, как с Полем бывала где угодно, и в это время я для тебя не существовал. И все говорили, что он твой жених...

– Мало ли что языками мелят, но ты всё равно обо мне плохо не думай, ясно? – прервала сестра, слегка покраснев.

– Да я просто так. А чего ты шарахаешься от отца? Он сказал, что ты у него проведёшь всё лето. Ведь это здорово!

– Из его затей ничего не выйдет. Меня там никто не ждёт...

– Почему ты так думаешь? – удивился Ваня.

Желаемого согласия брат и сестра так и не достигли.

Через две недели отец приехал за Ваней. Стояла уже вторая половина осени. Для Дианы отъезд брата обернулся настоящим горем. Они прощались на виду у всего детдома: воспитанники и воспитатели высыпали во двор, а в окна выглядывали повара и нянечки. И какое-то время брат и сестра, не стыдясь посторонних глаз, стояли в обнимку. Ваня умолял сестру разрешить отцу слать ей весточки, и чтобы она обязательно на них откликалась. Но Диана отрицательно качала головой, и это только лишь усиливало с обеих сторон поток слёз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.